

Министерство образования и науки Республики Хакасия
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

«Трудные вопросы истории Хакасии»
в контексте школьного образования

Материалы региональной научно-методической конференции «Трудные вопросы истории Хакасии, 29 ноября 2019 г.

Абакан 2019

Ответственный редактор: Самрина Елена Васильевна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник сектора истории ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Авторский коллектив: Кискидосова Т. А., Печерский В. А., Степанов М. Г., Чертыков В. К., Данькина Н. А., Бурнаков А. А., Кораблева М. В., Гольцер Т. В., Деряжная А. В.

В электронном сборнике представлены материалы региональной научно-методической конференции «Трудные вопросы истории Хакасии». В центре внимания сюжеты истории Хакасии с древнейших времен до начала XXI в., связанные с актуальными вопросами истории в контексте школьного образования. Некоторые из них вызывают острые дискуссии в обществе, а для многих учителей представляют объективные сложности в преподавании. Материалы конференции помогут учителям отчасти восполнить информационный пробел.

Т. А. КИСКИДОСОВА

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ХАКАСИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Для современной исторической науки характерны переходные тенденции. Отказ от старых методологических подходов и применение новых позволили по-новому рассматривать те или иные исторические события, факты и явления. Поиски современных парадигм потребовали использование принципа междисциплинарности, применения новых методов в исторических исследованиях. В статье применение новых подходов в исторической науке рассматривается на примере темы урока «Повседневная жизнь населения Хакасско-Минусинского края в XIX – начале XX века». Автор акцентирует внимание на использовании новых методологических подходов в исторической науке.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, микроисторический подход, история повседневности, региональный компонент, краеведение, история Хакасии.

В целях нового прочтения общественных процессов современная историческая наука предлагает к изучению прошлого новые отрасли исторического знания: история повседневности, гендерная история, психоистория и др. Особенностью данных направлений является принцип междисциплинарности. Например, в рамках истории повседневности – связь истории и социологии, психоистории – истории и психологии и т.д.

История повседневности (возникла в середине XX в.) – новая отрасль исторического знания, стала особенно популярной в последние годы. Связано это, прежде всего, с нетрадиционным подходом с т.з. традиционной истории к изучению окружающей действительности человека в прошлом.

Существует множество определений истории повседневности. Одно из самых популярных определений принадлежит известному гендерологу Н. Л. Пушкаревой. «Повседневность – отрасль исторического знания, предмет изучения которой – сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» [7, с. 3].

Не менее известно определение «повседневности», предложенное К. Н. Любутиным и П. Н. Кондрашевым. «Повседневность – это форма непосредственной человеческой деятельности, представляющая собой совокупность повседневного бытия, т.е. того, чем занимаются люди в своей обыденности в целях удовлетворения обычных потребностей, трудовых будней, домашнего быта и обыденного сознания, т.е. того, в виде каких мыслей и эмоциональных переживаний это бытие отражается в психической деятельности людей» [3, с. 261-262].

При широком круге определений повседневности можно утверждать такую же широкую систему подходов к изучению истории повседневности. Например, микроисторический подход предполагает изучение частных явлений, происходивших в жизни людей прошлого, с целью выявления господствовавших представлений и тенденций общества в целом. Объектом исследования могут быть, как отдельный человек, так и семья, деревня или социальная группа. В свою очередь междисциплинарный подход предусматривает сочетание различных методов в историческом познании, способствует комплексному изучению феномена повседневной жизни в конкретную историческую эпоху.

История повседневности предполагает применение различных методов. Прежде всего, необходимо применение общенаучных методов (системно-структурный метод, методы анализа и синтеза и др.), а также специальных исторических методов познания (историко-генетический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и ретроспективный). Системно-структурный метод позволяет рассмотреть повседневность как единую систему, где каждый элемент взаимосвязан друг с другом, историко-генетический метод – проанализировать все элементы повседневности в развитии на протяжении заданного промежутка исторического времени. При помощи сравнительно-исторического метода можно произвести поиск сходств и различий у исторических явлений в разных временных и географических условиях. Ретроспективный метод способствует

установлению причинно-следственных связей между событиями, в частности позволяет проанализировать поведение конкретных людей в историческом процессе.

Изучение историко-культурного наследия родного края является необходимой частью исторического образования и патриотического воспитания учащихся. Они знакомятся с духовной жизнью людей в то или иное время, изучают общественные процессы, познают национальную культуру, историю расселения на данной территории, особенности быта, культуры и обычаев местного населения. В учебном пособии П. И. Чебодаева в разделе «Культура и быт хакасов (XVIII – XIX вв.)» приведены краткие сведения о быте и культуре коренного населения без учета материальной и духовной культуры других этносов, проживавших на территории ХМК. Автор не привел ни одного примера адаптации пришлого населения, взаимовлияния и взаимодополнения разных культур [8]. Данное учебное пособие методологически устарело, сама тема, посвященная быту коренного населения, требует существенного пересмотра и переработки. На уроке истории родного края учителю необходимо учитывать исследования современных ученых, а также применять новые подходы в изучении истории.

В контексте истории дореволюционной повседневности России можно рассмотреть историю повседневности в региональном аспекте. Содержательно региональный компонент на уроках истории России должен включать материал, как о развитии коренных этносов Хакасско-Минусинского края, так и пришлого населения из России, об их взаимодействии и взаимовлиянии. Исследование региональной истории должно иметь многоаспектный характер и базироваться на основе концепции повседневности с учетом специфики природных условий региона, его политического, экономического и социокультурного развития. На уроке истории ученикам предлагается тема «Повседневная жизнь населения Хакасско-Минусинского края в XIX – начале XX века». Целями урока являются – ознакомление с обычаями, традициями в повседневной жизни

населения, понимание взаимодействия и взаимодополнения хакасской и русской культур.

Основной задачей учителя является прививание ученикам интереса к истории родного края через призму микроистории. Необходимо использовать задания, предусматривающие обращение школьников к изучению локальной истории, сбора материалов по «Oral History» (устной истории). На уроке учитель может использовать наглядные пособия, приводить примеры из фольклора и литературы, использовать визуальные источники и др. С помощью разнообразных заданий школьники смогут приобрести опыт поисковой и аналитической работы. История повседневной жизни населения ХМК является одним из примеров, позволяющих показать историю взаимовлияния и взаимодополнения разных культур.

Повседневная жизнь населения Хакасско-Минусинского края в XIX – начале XX века предполагает исследование следующих вопросов: быт хакасского населения, адаптация и хозяйственно-бытовой уклад русского населения, взаимовлияние хакасской и русской старожильческой культур.

Составляющими быта и культуры любого народа являются жилища, пища и одежда. Эти элементы культуры регулируют взаимоотношения человека с окружающим миром, концентрируют сокровенные народные знания и мудрость предков. Разграничение сфер материальной и духовной культур считается относительным. Основной функциональный смысл материальной культуры – создать соответствующий физическим свойствам человека микроклимат, обеспечить микропространство для жизни. Духовная культура существует в материальных формах, дает о себе знать через ощущения человека и включает фольклор, все виды искусства, обряды, ритуал [9, с. 6].

К середине XIX в. происходили изменения в быту хакасов. Распространение хлебопашества способствовало тому, что хакасское население переходило от полuosедлой жизни к оседлой. Русские передавали свои приемы земледелия и огородничества. Большое количество новшеств

наполняет быт народа, начались процессы ассимиляции в поликультурном пространстве ХМК. Русские перенимают накопленные хакасами знания из народной медицины, опыт, навыки и умения в области охотничьих промыслов, знакомятся с традиционным опытом хакасов разведения скота.

С момента прихода в Сибирь у русских вырабатываются социально обусловленные психологические установки на восприятие местного населения, контакт с ним во всех сферах, в том числе и бытовой. Русское население, адаптируясь к новым условиям Хакасско-Минусинского края, заимствовало традиционный и полезный опыт хакасов. Русские переселенцы не смогли бы приобрести в короткие сроки необходимые навыки и опыт в непривычных для них условиях. Изменился стиль одежды коренного населения. В названиях некоторых видов одежды и обуви встречались варианты заимствований.

Система питания, как элемент первой жизненной необходимости быстрее реагировала на все изменения в быту. Хакасское население, переходило из полукочевого образа жизни к оседлому, постепенно перенимало русские обычаи. Появляются новые виды пищи. Некоторые пищевые запреты были у хакасов и старожилов. Влияние хакасской кухни сказалось на знакомстве русских старожилов со съедобными дикорастущими травами. В пищу русских старожилов были включены многие хакасские блюда на кисломолочной основе. Хакасская традиционная кулинария значительно расширила ассортимент повседневных напитков [2, с. 74]. Под влиянием русской кухни стали более разнообразными способы приготовления мясной и хлебной пищи. Хлеб из кислого теста, приготовленный по русскому крестьянскому рецепту, был совершенно новым видом продукта питания хакасов в результате тесных взаимоотношений хакасов с русским и крестьянами [4, с. 67]. Хакасы стали готовить пельмени, лапшу, котлеты и стряпать пироги, калачи, лепешки. Влияние русской кухни – это употребление хакасами разнообразной растительной пищи. Широкое распространение среди хакасов получил

картофель. Значительно обогатился ассортимент хакасской кухни за счет картофеля [1, с. 123].

Этнографические материалы свидетельствуют о том, что одежда русского покроя у хакасов была широко распространена там, где население больше занималось земледелием, находилось в постоянном общении с русскими и вступало с ними в тесные культурно-экономические отношения. К концу XIX в. хакасы, которые жили среди русских (северные кызыльцы и сагайцы) по одежде не отличались от русских крестьян [4, с. 72]. В то же время хакасы наряду с одеждой русского образца сохраняли в основном свои самобытные одежды, свойственные их образу жизни и традиции. Более устойчивыми и не подвергшиеся изменениям, оставались некоторые виды женской старинной одежды: шуба, платье, сикпен [4, с. 78]. В ходе приспособления к новой обстановке переселенцы дополняли костюм заимствованиями у местных жителей. В условиях сурового климата широкое распространение у русских получили меховая одежда и обувь, которые были характерны для коренных жителей региона [9, с. 67].

Происходило постепенное вытеснение традиционного хакасского жилища, получили распространение дома русского типа срубной деревянной конструкции. Хакасы переходили от войлочных юрт к деревянным, а от них уже к домам русского типа. Четырехугольная юрта с куполообразной крышей имела большие сходства с русской избой. К концу – началу XX в. многие хакасские аалы своим обликом походили на русские деревни. Основными типами жилищ стали избы русского типа («тура»), в них жили зимой. Летним вариантом жилища были многоугольные бревенчатые юрты. Хакасы переняли у русских крытые дворы и жилые постройки (деревянные амбары, сараи, навесы, зимние утепленные загоны для скота, погреба, бани участки для огорода). Широкое распространение среди хакасов получили некоторые южнорусские приемы строительства. Например, обмазка глиной стен снаружи и внутри жилища, побелка стен, потолка и печи [5, с. 98].

Поликультурная среда ХМК сформировала норму совместного проживания русских старожилов и коренного населения региона. По мнению исследователей, данная ситуация способствовала не только установлению культурных, но кровнородственных связей. Взаимоотношение контактирующих групп не привели, в конечном счете, к разрушению самобытности их этнических групп [6, с. 52].

В результате совместного проживания и этнических контактов между хакасами и русскими старожилами возникли различные варианты взаимовлияний контактирующих групп. Выделение многовариантности подходов в изучении истории повседневной жизни населения на локальном уровне позволит вычлнить наиболее удачные варианты и применить их в исследовании.

Таким образом, без изучения региональной истории не только нельзя понять специфику региона, его роль и место в истории России, а также невозможно осознать всемирные исторические процессы. Региональный компонент на уроках истории направлен на воспитание патриотизма у учащихся. На уроках краеведения преподавателю необходимо применять современные методологические подходы. Как правило, подходы требуют учитывать особенности развития региона, традиционного уклада жизни местных жителей, а также проникновения новаций в повседневную жизнь населения. В Хакасско-Минусинском крае в XIX – начале XX в. происходили процессы взаимодействия и взаимовлияния хакасской и русской старожильской культур.

Список литературы:

1. Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1996. 224 с.
2. Верник А. А. Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинского края (вторая половина XIX-начала XX вв.) Красноярск: Сиб. Юрид. Инст-т МВД России, 2005. 228 с.

3. Любутин К. Н., Кондрашев П. Н. Диалектика повседневности: методологический анализ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2007. 295 с.
4. Патачаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII-XIX вв.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. 103 с.
5. Прищепа Е. В. Взаимовлияние хакасской и старожильской культур Хакасско-Минусинского края // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2016. № 1 (21). С. 46-56.
6. Прищепа Е. В. Жилища населения Хакасско-Минусинского края в традиционной системе жизнеобеспечения в XVIII-XX вв. (на примере хакасов и русских старожилов). Абакан: Бригантина, 2018. 180 с.
7. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3-19.
8. Чебодаев П. И. История Хакасии (с древнейших времен до конца XIX в.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1992. 156 с.
9. Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. М.: Логос, 2001. 184 с.

Н. А. ДАНЬКИНА

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ХАКАСИИ В КОНТЕКСТЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются дискуссионные проблемы древней и средневековой истории Хакасии. Они касаются вопросов происхождения археологических культур, общественного строя тагарцев, особенностей погребального обряда таштыкской археологической культуры, Древнехакасского государства и др.

Ключевые слова: древняя история, Хакасия, археологические культуры, средневековье.

В 2013 г. при подготовке концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории был составлен перечень «трудных вопросов истории России». Учителя истории сталкиваются как с недостатком теоретических материалов, так и с трудностями интерпретации некоторых сложных исторических вопросов. Поэтому они предложили включить некоторые сложные аспекты истории (с точки зрения преподавания истории в школе) в перечень трудных вопросов истории. К таким вопросам относятся:

1. Образование Древнерусского государства и роль варягов в этом процессе.
2. Существование древнерусской народности и восприятие наследия Древней Руси как общего фундамента истории России, Украины и Беларуси.
3. Исторический выбор Александра Невского.
4. Роль Ивана IV Грозного в российской истории: реформы и их цена.
5. Попытки ограничения власти главы государства в период Смуты и в эпоху дворцовых переворотов, возможные причины неудач этих попыток.
6. Присоединение Украины к России (причины и последствия).
7. Фундаментальные особенности социального и политического строя России (крепостное право, самодержавие) в сравнении с государствами Западной Европы.

8. Причины, особенности, последствия и цена петровских преобразований.

9. Причины, последствия и оценка падения монархии в России, революции 1917 г., прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне.

10. Причины свертывания нэпа, оценка результатов индустриализации, коллективизации и преобразований в сфере культуры.

11. Характер национальной политики большевиков и ее оценка; советская федерация как форма решения национального вопроса с правом свободного выхода союзных республик из состава СССР.

12. Причины, последствия и оценка установления однопартийной диктатуры и единовластия И.В. Сталина; причины репрессий.

13. Оценка внешней политики СССР накануне и в годы Второй мировой войны.

14. Причины и цена победы СССР в Великой Отечественной войне.

15. Оценка деятельности СССР в условиях «холодной войны».

16. Причины, последствия и оценка реформ Н.С. Хрущева.

17. Оценка периода правления Л.И. Брежнева и роли диссидентского движения в истории страны.

18. Причины, последствия и оценка «перестройки» и распада СССР.

19. Оценка причин, характера и последствий экономических реформ начала 1990-х гг. («шоковая терапия», методы приватизации); причины и последствия побед Б. Н. Ельцина в политических схватках 1990-х гг.

20. Причины, последствия и оценка стабилизации экономики и политической системы России в 2000-е гг.

В перечне трудных вопросов авторами сделан акцент на советском периоде. По древней истории всего три трудных вопроса. Древняя история Хакасии преподается в младших классах. Учащимся сложно объяснить многие дискуссионные вопросы из-за возрастных особенностей.

Один из таких вопросов – классификация археологических памятников как исторических источников древности: курганы, древние поселения, каменные стелы, археологические находки. А также учащиеся должны усвоить, что такое археологическая культура, поскольку история Хакасии в древности традиционно рассматривается исследователями на основе археологических культур: палеолита, мезолита и неолита, бронзы – афанасьевской (III тыс. до н.э. или 37-25 вв. до н.э.), окуневской (середина III-начало II тыс. до н.э. или 25-18 вв. до н.э.), адроновской (XVII в. н.э.-XIV вв. до н.э. или 17-15 вв. до н.э.), карасукской (XIV-IX вв. до н.э.), раннего железа – тагарской (VIII-III вв. до н.э.) и таштыпской (I-V вв.) [2, с. 60].

Одним из дискуссионных вопросов в археологии является происхождение культур. Относительно происхождения археологических культур существует две точки зрения. Археологическая культура возникает как результат автохтонного развития предшествующего населения. Ее происхождение связывают с местными корнями в истории Южной Сибири. Другие исследователи считают, что та или иная археологическая культура явление пришлое, они появились в Хакасско-Минусинской котловине в готовом виде.

Например, существует несколько концепций о происхождении окуневской культуры. Большинство специалистов на основании анализа археологического и антропологического материала, считают, что окуневцы в Хакасско-Минусинской котловине генетически не связаны с предшествующими афанасьевскими племенами [1, с. 35; 4, с. 14-15]. Многие исследователи не исключают возможности формирования окуневской культуры в Западных районах Евразийского континента. Это утверждение делается на основе изобразительного искусства, так как многие сюжеты связаны со скотоводческой традицией, а также погребального обряда в виде катакомбных захоронений в Восточной Европе [8, с. 11].

И. П. Лазаретов считает, что окуневцы через Казахстан сначала проникли на Алтай, затем с Алтая пришли в Хакасию. Противоположной

точки зрения придерживается Л. А. Соколова. По ее мнению «окуневский феномен связан с Хакасско-Минусинской котловиной как местом непосредственного формирования и развития культурной традиции. Но в период наивысшего расцвета его значение переросло формат локальной археологической культуры и стало играть роль центра, в значительной степени формирующего блок признаков различных археологических культур бронзового века Северной Европы» [9].

Относительно карасукской культуры основными являются также две точки зрения. Согласно первой концепции, карасукская культура возникает как результат автохтонного развития предшествующего населения. Ее происхождение связывают с местными корнями бронзового века Южной Сибири (С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов). Другие исследователи считают, что карасукская культура явление пришлое, она появилась в Минусинской котловине в готовом виде. Носители карасукской культуры пришли в Минусинскую котловину из Северного Китая. Свидетельством являются инкрустированная керамика, новые формы ножей и украшений, новый антропологический тип.

Еще одним дискуссионным вопросом является вопрос общественного устройства тагарцев. В «Истории Хакасии с древнейших времен до 1917 года» под редакцией Л. Р. Кызласова сообщается, что у оседлых тагарцев Хакасско-Минусинской котловины лесостепной полосы в IV-III вв. до н.э. складывается первое государство, зафиксированное в китайских источниках как «Динлин-го» – «государство Динлинов» [2, с. 29]. Кызласов Л. Р. так же считал, что у тагарцев существовало патриархальное рабство, и рабский труд использовался при сооружении оросительных каналов. Государство динлинов не успело окрепнуть, погибло в ходе гуннской военной экспансии в конце III в. до н.э. [3, с. 35]. О раннеклассовом государстве у тагарцев пишет также А. И. Мартынов [5, с. 10-12].

Другие исследователи считают, что для тагарцев характерен родовой строй, который становился в большей степени военным. Ряд исследователей

полагают, что возведение больших курганов в Салбыкской долине, наглядно свидетельствует о новом уровне общественного развития у населения Хакасско-Минусинской котловины. Появилась сильная централизованная власть и система управления, объединившие все население региона. Эта точка зрения нашла отражение в учебном пособии для 6 класса.

Еще одним из сложных вопросов является вопрос о хуннах и гуннах. Возникает вопрос, это был народ или племенной союз? С конца III в. до н.э. до середины III в. н.э. Хакасско-Минусинская котловина, как и многие другие территории, попала в зависимость от государства хунну и стала его окраинной провинцией. Племенной союз под предводительством кочевого народа хунну сформировался на территории Монголии и в прилегающих степях. В окрестностях современного г. Абакана завоевателями было построено укрепленное городище. В начале н. э. в его центре был возведен дворец в китайском стиле. В настоящее время доминирует точка зрения, что в IV в. хунны обосновались в Европе и стали известны как гунны.

Трудным вопросом таштыкской археологической культуры является вопрос, связанный с погребальными масками. До недавнего времени традиционно считалось, что в Сибири с конца I тыс. до н.э. и до VII-VIII вв. н.э. существовал устойчивый обычай помещать маски на лицах умерших [6, с. 438]. Предполагалось, что маски были отлиты по формам, снятым с покойника. Но благодаря исследованиям Э. Б. Вадецкой было доказано, что маски лепили на куклах. Таким образом, маски не передавали портрет кремнированного, а изображение было произвольным.

Следующий вопрос касается различных аспектов истории государства енисейских кыргызах. Кыргызы – один из древнетюркских народов. Впервые они появляются в древних летописях в числе кочевых племен восточной части евразийских степей, покоренных хунну в 201 г. до н.э. Перед появлением на Енисее, вероятно, проживали на территории современного северо-западного Китая. В китайских летописях разного времени название этого народа записывалось разными иероглифами. Иероглифы, датированные

VIII-IX вв. лингвисты и историки читали как «хягясы» или «хакасы». В начале XX в. вариант «хакасы» был выбран в качестве самоназвания коренного населения. В настоящее время название кыргыз сохранилось у некоторых родов хакасов, а также в качестве названия тюркоязычного народа, проживающего на Тянь-Шане. Однако археологические памятники енисейских кыргызов на Тянь-Шане не обнаружены. Язык кыргызов Тянь-Шаня, в отличие от языка кыргызов Енисея и их потомков – современных хакасов, принадлежит к другой (кыпчакской) группе тюркских языков. Возможно, население кыргыз появилось на Тянь-Шане от населения, когда-то проживавшего на западной окраине государства Енисейских кыргызов – на Алтае или р. Иртыш. Эта концепция Л. Р. Кызласова изложена в учебном пособии для 6 класса. Л. Р. Кызласова подтверждает, что государство VI-XIII вв. получило название государства древних хакасов или кыргызов [3, с. 45]. Здесь нет и противоречий и с концепцией В. Я. Бутанаева. Он считает, что в VI-начале XIII вв. существовало Кыргызское государство.

Противоречие между двумя концепциями состоит в том, что являются ли современные кыргызы потомками енисейских кыргызов. В. Я. Бутанаев считает, что да. Он считает, что первоначально родиной кыргызов была северо-западная Монголия, позже — Енисей, а в период великодержавия кыргызы дошли до Тянь-Шаня и смешались с местным ираноязычным населением. В своем интервью кыргызскому телевидению, он говорил что эту «связь оспаривают последователи Кызласова, которые говорят, что у тянь-шаньских кыргызов вообще нет своей истории — это, дескать, какие-то среднеазиатские тюрки, а потомками енисейских кыргызов являются хакасы. Это нежизнеспособная установка, но она, к сожалению, бытует у нас в Хакасии. Несомненно, тянь-шаньские кыргызы и народы Южной Сибири имеют общие корни. Родовые подразделения "мондуз", "толос", "джелден" существуют у хакасов, тувинцев и алтайцев. У тянь-шаньских кыргызов есть род "эштек", а по-хакасски так обозначаются северные племена»¹.

Еще одним дискуссионным вопросом является вопрос о месте кыргызов в социальной структуре кыргызского (древнехакасского государства). Л. Р. Кызласов считал, что кыргызы – это не особый народ, а издревле смешанный аристократический род, входивший в ядро тюркоязычных хакасов. Поэтому слово кыргыз выступает не как этнический, а как политический термин. Род кыргыз стоял во главе государства, из него происходили правители, высшие чиновники, знать государства. Он не согласен с точкой зрения некоторых авторов, которые называют кыргызами все разноязычное население этого государства [3, с. 64]. С 1399 г., по мнению В. Я. Бутанаева на территории Хакасско-Минусинской котловины начинает складываться этнополитическое образование «Хонгорай». В данном случае он ссылается на Архив внешней политики Российской империи [7, с. 194].

Таким образом, дискуссионных вопросов по древней и средневековой истории Хакасии довольно много. Но различные точки зрения имеют право на существование. Вместе с тем стоит доходчиво и корректно объяснять учащимся 6 классов о существовании в научном мире различных точек зрения на исторические проблемы.

¹(<https://stanradar.com/news/full/24797-hakasy-ne-schitajut-sovremennyh-kyrgyzov-potomkami-enisejskih-uchenye.html?page=4>)

Список литературы:

1. Вадецкая Э. Б. Древние маски на Енисее. Санкт-Петербург-Красноярск: Версо, 2009. 248 с.
2. История Хакасии. Древность: учебно-методический комплекс: учебное пособие / А.И. Готлиб, В.С. Зубков, А.И. Поселянин. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2014. 288 с.
3. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / под ред. Л.Р. Кызласова. М.: Наука. 1993. 525 с.
4. Лазаретов И. П. К вопросу о ямно-катакомбных связях окуневской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры: тезисы докладов конференции. СПб., 1995. С. 14-16.

5. Мартынов А. И. Скифо-сибирский мир – степная скотоводческая цивилизация V-II вв. до н.э. // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): тезисы Всесоюзной археологической конференции. Часть 1. Кемерово, 1989. С. 5-12.

6. Маски погребальные // Большая советская энциклопедия. 1974. Т. 15. С. 438.

7. Очерки истории Хакасии (с древних времен до современности) / под ред. В. Я. Бутанаева. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. 672 с.

8. Савинов Д. Г. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 7-18.

9. Соколова С. А. Формирование окуневского культурного комплекса: автореф. дис. ...кан. ист. наук. СПб., 2009. 23 с.

В. К. ЧЕРТЫКОВ

О САМОНАЗВАНИИ ХАКАСОВ (К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ХООРАЙ»)

В статье опровергается концепция хакасского историка и этнографа В. Я. Бутанаева о существовании в период средневековья на территории Хакасско-Минусинского края (Кыргызской земле) этнополитического объединения «Хонгорай». Так же нет оснований для утверждения, что самоназванием предков современных хакасов был этноним «хоорай».

Ключевые слова: «Хонгорай», кыргызы, дурбен-ойраты, конгороичи.

В. Я. Бутанаев утверждает, будто бы хакасы имели историческое имя «хоорай», а «Кыргызская земля» (Хакасия) в русских документах XVII-XVIII вв. носила название «Хонгорай». Это неверно. В этих трех документах XVII-XVIII вв. (два из которых относятся к началу XVIII в.) речь идет о термине «Хонгорай», который употреблялся монголами в качестве названия территории правобережья Енисея. Кыргызских данников – кетоязычных коттов (котовцев), живших на правом берегу Енисея, по свидетельству М. А. Кастрена, называли «конгороичи». «Необходимо еще заметить, что несколько обрусевших коттов я встретил около Канска: в деревнях Анзире, Барнауле и Еланске. Эти котты выдавали себя за остатки так называемого Багиновского улуса, некогда находившегося на реке Пойме, впадающей в Анну. О них упоминает и Клапрот (*Asia Polyglotta*, стр. 169) и при этом говорит еще о других коттах, называвшихся конгроичами. Сии последние, вероятно, слились с койбалами и отатарились. Что же касается до названия конгроичи или конгороичи, то им обозначается, собственно, не само коттское разветвление, а вообще все татары, платящие подать в Красноярске, который по-татарски называется Конгорай, то есть место, в котором звонят в колокола» [6, с. 261].

Для доказательства своей версии о самоназвании хакасов В. Я. Бутанаев приводит документ 1666 г., где посланцы алтын-хана Лоджана на запрос красноярского воеводы про князя Еренака Ишеева сказали, «что они

того кыргыза Еранака знают, кочует де он в Кыргызах в Конгурае». Отсюда он делает следующий вывод: «Данный источник полностью подтверждает соответствие русского понятия «Кыргызская земля» (Кыргызы) тюрко-монгольскому названию «Конгурай» (Хонгорай)» [1, с. 14.]. Здесь следует поправить автора. В этом документе монгольские посланцы всего лишь уточнили, где именно в Кыргызах (Кыргызской земле) находится Еренак – в Конгурае, т. е. на правом берегу Енисея. И действительно, Еренак летом 1666 г. переправился через Енисей с отрядом из 300 человек, повоевал ясачных людей, принявших российское подданство и захватил Удинский острожек [7, с. 85].

Началом образования этнополитического объединения Хонгорай автор считает 1399 г., когда «предводитель Кыргызского тумена в Ойратской федерации Угэчи-Кашка для поднятия политического статуса народа и во имя возрождения древнего государства решил учредить новое официальное название своего владения» [2, с. 153]. Причем он утверждает, что «в 1393 г. на Саяно-Алтае образуется коалиция, получившая название «дурбен ойрат» – четыре ойрата, куда вошли четыре группировки – олеты, багатуты, хойты и кэргуты». С кэргутами автор отождествляет кыргызов [5, с. 9]. На самом деле кыргызы никогда не входили в Ойратскую федерацию. Хотя в источниках и научной литературе нет единства в вопросе о составе дурбен-ойратов в различные периоды истории, ни один историк не рассматривал кыргызов в качестве членов ойратского (монгольского) союза. По монгольской летописи «Алтан тобчи» в «дурбен-тумен» входили ойраты, угулеты, багатуты и хойхаты. По китайским источникам, ойраты в конце XIV в. разделялись на четыре рода или отдела – хошоутов, джунгаров, дэрбэтов и торгоутов, кроме них существовал еще небольшой род хойтов, принадлежавший дэрбэтам. Упоминаются также чоросы и элюты. Академик В. В. Бартольд считал, что ойратский союз сложился в конце XIV в. в составе четырех участников – чорос, хошоут, торгоут и хойт.

Таким образом, мнение В. Я. Бутанаева о вхождении кыргызов в состав Ойратской федерации не подкрепляется источниками.

Следует отметить, что Угэчи-Кашка, вопреки мнению В. Я. Бутанаева, не был кыргызом. На самом деле, это был Угэчи-хашига (умер в 1420 г.) – сын Хутхай-Тафу [8, с. 258]. Летопись «Шара Туджи» прямо указывает, что Хутхай-Тафу происходил из рода Чорос (т. е. монгольского поколения – В. Ч.), а летопись «Эрдинийн Тобчи» сообщает, что он был тысячником [4, с. 39].

Ойратский союз сложился в конце XIV в. не на Саяно-Алтае, как утверждает В. Я. Бутанаев, а на сравнительно небольшой территории, ограниченной западными склонами Хангайских гор на востоке, гобийскими песками на юге, Могулистаном на западе, верховьями Иртыша и Енисея на севере [4, с. 42]. Также нет указаний на то, что в 1399 г. было принято название «Хонгорай». В этом году (1399) ойраты только вышли из-под власти всемонгольского хана. По-видимому, у автора сложилось неправильное представление об исторических событиях, происходивших в Центральной Азии в период средневековья.

Возвращаясь к термину «хоорай», который будто бы являлся самоназванием хакасов, следует отметить, что в XVII-XVIII вв. ни кыргызы, ни другие родоплеменные группы Хакаско-Минусинского края «хоорайцами» себя не именовали. В письменных источниках XVII в. этноним «хонхоройцы» упоминается лишь один раз. После похода Я. О. Тухачевского в 1641 г. против кыргызов, за них вступился Чокур-тайша, брат правителя Джунгарии Батура-хунтайджи. Он отправил в Москву два письма на калмыцком языке. Эти письма переведены Ш. Б. Чимитдоржиевым. В первом письме сказано: «Находясь в дружбе с нами, почему подчинили наших киргизов? Если желаете войну, пусть она будет. Если ее не желаете, выполните наш наказ. Не завоевываю я людей хонхоройцев. Пришло (ваше) тысячное войско и захватило сто двадцать душ (киргизов)» [9, с. 179]. Как

видно из документа, вышеназванные «хонхоройцы» никакого отношения к кыргызам не имели.

«Отец сибирской истории» Г. Ф. Миллер, побывавший на территории Хакасии вскоре после присоединения ее к России, подобный этноним здесь не обнаружил. Ссылки на фольклорные материалы и на сведения, полученные автором от информантов для доказательства своего утверждения, просто неуместны. О существовании этнонима «Хоорай» не знал ни один исследователь истории и этнографии хакасов, в том числе В. В. Радлов, Н. Ф. Катанов, Н. Н. Козьмин, несмотря на то, что и они использовали фольклорный материал и сведения информантов. Встает вопрос, почему хакасы не смогли «вспомнить» свое прежнее самоназвание «хоорай» уже в первой половине XVIII в.? Автор полагает, что название «Хоорай-Хонгорай» исчезает из политической жизни Южной Сибири и Центральной Азии после заключения Буринского трактата в 1727 г. между Россией и Китаем [5, с. 10]. Он не объясняет, каким образом этот договор мог повлиять на исчезновение названия «Хоорай-Хонгорай».

Вину в забвении исторического имени «хоорай» В. Я. Бутанаев также кладет на нашего выдающегося ученого: «Народная историческая память приписывает Н. Ф. Катанову изменение нашего самоназвания хоорай на «тадар» [3, с. 218]. Во-первых, неизвестно, что подразумевает автор под «народной исторической памятью». Во-вторых, Н. Ф. Катанову было совершенно неизвестно о «хоорай» как о самоназвании хакасов. В-третьих, экзоэтноним «тадар» стал самоназванием хакасов еще задолго до рождения самого Н. Ф. Катанова, поэтому нет необходимости приписывать ему то, чего он не делал.

Таким образом, хакасам не были известны термины «Хоорай», «Хонгорай» и себя они «хоорайцами» или «хонгорцами» никогда не именовали.

Список литературы:

1. Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007.
2. Бутанаев В. Я. Кыргызы во времена монголо-джунгарского владычества (XIII-XVIII вв.) // Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2000.
3. Бутанаев В. Я. Роль и значение Н. Ф. Катанова в изучении этнографии тюрков Южной Сибири // Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение: материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова, 22-24 мая 2003 г. Абакан, 2003. С. 216-220.
4. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964.
5. Иллюстрированная этнография хакасов. Альбом фотоматериалов Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова / отв. ред. В. Я Бутанаев. Новосибирск: Наука, 2004.
6. Кастрен М. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849) / под ред. С. К. Пархимовича. Тюмень: Изд-во Мандрика, 1999.
7. Козьмин Н. Н. Хакасы // Козьмин Н. Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае / сост. В. К. Чертыков, С. А. Угдыжеков. Абакан: «Журналист», 2010.
8. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н. П. Шастиной. М.: Наука, 1973.
9. Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1978.

В. А. ПЕЧЕРСКИЙ

УГОЛОВНАЯ ССЫЛКА В СИБИРЬ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с различными аспектами уголовной ссылки в Сибирь. Видами ссылки, личностью ссыльных, ссылкой как методом заселения Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, уголовная ссылка, освоение Сибири.

Ссылка уголовных и политических преступников в Сибирь рассматривалась правительством не только как способ наказания и исправления их, а прежде всего как средство заселения окраины – «штрафная» колонизация при ограничении свободного переселения. В середине XIX в. в системе уголовного законодательства царской России существовали следующие разновидности ссылки: после отбытия срока каторжных работ, на поселение (жительство), административная ссылка, и на водворение. Приговоренные к ссылке, как правило, распределялись через Тюменский приказ о ссыльных. В зависимости от тяжести проступков (чем серьезнее правонарушение, тем дальше на восток) по губерниям и областям Сибири. В губернских и областных центрах местные экспедиции о ссыльных определяли место водворения правонарушителя в конкретной волости одного из округов. В волостном правлении осужденному назначалось место жительства в одном из селений с правом получения земельного надела и правом заниматься сельскохозяйственным трудом или промыслами с причислением к местному обществу.

О. В. Степанова считает, что начало XIX в. дало новый толчок развитию ссылки, что связано с генерал-губернатором Сибири М. М. Сперанским, реформы которого были направлены на препровождение и распределение ссыльных [4, с. 135].

В 1822 г. был создан первый Сибирский комитет. Этот орган предпринимал попытки основать в Восточной Сибири казённые поселения из ссыльных, но идея оказалась неудачной. В частности в Енисейской губернии поселенцы по большей части разбежались, так как условия их жизни были непригодны для земледелия [4, с. 136].

По мнению А. А. Иванова в законодательстве о каторге Устав о ссыльных 1822 г. занимал центральное место. Этот законодательный акт не только положил начало длительному процессу законодательного формирования системы сибирской ссылки, но и в значительной мере впервые упорядочил её практическое применение [1, с. 48].

А. М. Хламова считает, что особый статус Сибири в составе Российского государства на протяжении нескольких столетий определялся, прежде всего, тем, что она являлась официальным местом массовой ссылки уголовных преступников [5, с. 246].

По мнению Т. А. Кискидосовой первоначально ссылка в Сибирь носила колониционный характер и способствовала росту численности населения, развитию земледелия и ремесла [2, с. 272].

В XIX в. поток ссыльных в Сибирь стал увеличиваться. С 1823 по 1865 г. сюда на поселение поступило около 356 тыс. чел. Удельный вес ссыльных и ссыльнопоселенцев в составе русского населения региона вырос с 4,1 % в 1795 г. до 10,5 % в 1833 г. Согласно данным девятой ревизии (1850 г.), за Уралом насчитывалось 104,3 тыс. ссыльнопоселенцев. По данным Главного тюремного управления Российской империи на 1 января 1898 г. в регионе сосредоточивалось 310 тыс. ссыльных всех категорий. В основном это были этапированные по приговорам сельских обществ – за порочное поведение. Такое решение было принято, например, 4 января 1899 г. сельским сходом Михайловского общества Ижевско-Нагорной волости Сарапульского уезда Вятской губернии. В нем говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся старшие домохозяева от состоящих в нем 78 человек, в числе 68

человек, бывшие сего числа на сельском сходе в присутствии сельского старосты Ивана Бузанова, от которого выслушали предложение о том, что однообщественник наш сельский обыватель Александр Васильев Никифоров ничем не занимается другим, кроме краж и праздничества, вследствие чего и предлагает противу этого принять какие-либо меры... Не надеясь на его исправление, так как он нами неоднократно замечался в кражах, мы, бывшие на сходе, единогласно постановили: сельского обывателя нашего общества Александра Васильева Никифорова, 28 лет, отдать в распоряжение правительства, приняв на себя по его удалению издержки, для чего надлежащую сумму внести в уездное казначейство». Никифоров был выслан на поселение в Зырянскую волость Мариинского уезда Томской губернии.

По замыслу правительства ссыльные должны были стать важным источником пополнения сельского населения региона. Однако они, как правило, не стремились к сельскохозяйственному труду. Так, по данным на начало 1882 г., в Каинском округе Томской губернии в 28 притрактных селениях числилось 765 ссыльнопоселенцев. Но фактически имелось 430 чел., в отлучке по письменным разрешениям (билетам) значилось 95, а в бегах – 240 чел. Из постоянно живущих самостоятельно вели хозяйство 61 чел., в услужении (по найму) находился 281, без определенного занятия – 88 чел. Всего же в конце XIX в. из 300 тыс. ссыльных не менее 100 тыс. чел. были «безвестно отсутствующими».

Основную часть ссыльных составляли бродяги, наносившие существенный ущерб местным жителям. Они занимались грабежом, конокрадством, изготовлением фальшивых денег. У подавляющего большинства ссыльных отсутствовала мотивация к занятию не только земледелием, но и честным трудом вообще.

«Крестьянин считал поселенца варнаком, – писал местный публицист Н. М. Ядринцев, – человеком, способным на всякое преступление и надувательство, тунеядцем, сидячим на мужицкой шее. Сибирские крестьяне создали пословицу: «поселенец, что младенец, на что взглянет, то и стянет» [6, с. 259].

Труд ссыльных широко применялся в Сибири в промышленном производстве. Колодники работали на казенных винокуренных и металлургических заводах, соляных промыслах, суконных мануфактурах. Им разрешалось трудиться по найму, переходить от одного хозяина к другому, менять место жительства. Во второй четверти XIX в. многие ссыльнопоселенцы по вольному найму трудились на золотых приисках. По данным губернаторских отчетов, в 1851 г. на частных золотопромышленных предприятиях Томской и Енисейской губерний было занято 33 тыс. рабочих, в том числе 28 тыс. ссыльнопоселенцев.

Каторжане и ссыльные привлекались к строительству и ремонту дорог (трактов). В 1820-е гг. из ссыльнопоселенцев власти попытались сформировать постоянные военнорабочие команды для устройства путей сообщения. В 1825 г. числилось по штату 1150 таких строителей.

Распространение феодального предпринимательства на новые отрасли промышленного производства не означало его перспективности и прибыльности. Экономическая целесообразность применения принудительного труда исчезала с расширением рынка рабочей силы и его удешевления. Принудительный труд, несмотря на кажущуюся дешевизну, был дорог в силу своей малоэффективности (по производительности уступал вольнонаемному труду в 2-3 раза). Кроме того, он требовал больших расходов на содержание тюремной инфраструктуры. Сначала от услуг каторжан отказалось судостроение, затем были распущены военнорабочие команды, сократилось использование каторжного труда в солеварении. В конце 1820-х - начале

1830-х гг. буквально рухнуло основанное на каторжных порядках казенное винокурение. В целом, к середине XIX в. экономика региона перешла к преимущественно капиталистическим методам развития и свела к минимуму использование принудительного труда.

Несмотря на отсутствие системы, и должного порядка в «ссылном деле», масштабы штрафной колонизации Сибири в XIX в. постоянно увеличивались: ссыльные добывали руду, вываривали соль, ремонтировали дороги, потомки первых колодников пахали и сеяли хлеб. Так, в 1895 г. на Средне-Сибирской железной дороге трудилось около 2 тыс. ссыльнокаторжан и срочных арестантов из тюрем Иркутской и Енисейской губерний, а также более 500 ссыльнопоселенцев. В 1902 г. в пределах Иркутской губернии среди строителей было 5250 ссыльных, или 30 % от общей численности рабочих. В середине века ссыльнопоселенцы составляли третью часть всех рабочих золотодобывающей отрасли Сибири. На основании этих цифр можно сделать вывод об участии уголовных ссыльных в развитии промышленных предприятий региона, при этом надо учитывать, что их след в сельском хозяйстве Сибири, в силу многих причин, был менее существенным.

Для нашего исследования важное значение имеют итоговые количественные показатели сибирской ссылки. Состояние источниковой базы таково, что относительно точно обобщающие данные можно привести только за XIX век. В это время государство активно использовало Сибирь как средство разрежения населения в Европейской России. Согласно сведениям, которые приводит А. Д. Марголис, общее число ссыльных здесь неуклонно возрастало. При этом в динамике их поступления можно выделить два максимальных периода – 1820-е и 1860-1870-

е годы, что можно объяснить в первом случае реформой М. М. Сперанского, упорядочившей «ссылное дело», а во втором – пауперизацией крестьянства после его «освобождения» и как следствие – рост криминальной напряженности в стране. Так, если в 1807-1811 гг. сюда было отправлено 10 175 человек (или чуть больше двух тысяч в год), в 1812-1821 гг. – 39 761, то в следующее десятилетие – 91 709. В 1831-1841 гг. сосланных было относительно меньше – 78 823 человека, в 1842-1851 гг. еще меньше – 62 495. В следующем десятилетии начинается заметный рост – 70 570, затем идет резкое увеличение: 1862-1871 гг. – 123 543 человека и за десятилетие семидесятых – 173 039 ссыльных или больше 17 тысяч ежегодно [3, с. 30].

В 1880-х годах масштабы уголовной ссылки в Сибирь уменьшаются, что связано с увеличением потока вольных переселенцев. Так, за семнадцать лет с 1882 по 1898 гг. сюда поступило 148 032 ссыльных (без ссыльнокаторжных), или примерно по 8700 человек в год. Из общего числа – 115 927 мужчин или 82,5 %, прибыли в Сибирь одинокими, без семей, именно они, как и в XVII–XVIII вв., менее всего приживались на новом месте, делая ссылку «текучей», постоянно перемещающейся внутри огромного региона. Больше половины ссыльного контингента составляли административные – 77 158 человек, или 52,12 %, затем следовали ссыльнопоселенцы – 46 002 человека, далее, водворяемые рабочие – 21 652 ссыльных и ссыльные на жительство – 3095 мужчин и 125 женщин.

В конце XIX в. происходит некоторый сдвиг в размещении ссыльных с запада к востоку, что подтверждают и количественные показатели. Так, в 1887-1896 гг. в среднем за год в Тобольской губернии было сосредоточено 5601 ссыльный, в Томской – 1855, Енисейской – 2862, Иркутской – 5220, в Забайкалье – 913 и Якутской области – 159. Таким образом, в Западной Сибири в этот период находилось 7456 ссыльных, в Восточной – 9260. Надо сказать, что и в дальнейшем эта

тенденция продолжала нарастать, однако лидерство Тобольской губернии по числу ссыльных сохранялось на протяжении всего XIX в.

Размещение ссыльных в Сибири по категориям имело также свою географическую специфику. Так, большинство ссыльнопоселенцев отправлялось в Иркутскую губернию: на 1 января 1898 г. здесь было сосредоточено 37 888 осужденных, что составляло почти 37,67 % от их общего числа (100 595). Второе место по количеству ссыльнопоселенцев отводилось Енисейской губернии – 36 513 душ обоего пола. Далее следовал контингент, размещенный в Забайкальской области – 11 941 человек, затем на Сахалине – 8643, в Якутской области – 3473, Приморье – 1542, в Амурской области – 571 и в Томской губернии – 24. В Тобольскую губернию ссыльнопоселенцы вообще не отправлялись.

Основная масса сосланных на водворение опять же располагалась в Иркутской губернии – 30 243 человека или 76,2 % от их общего числа (39 683). Значительно меньше ссыльных этой категории было в Енисейской губернии – 5590 – однако, это второй показатель по регионам Сибири; затем следует Забайкалье – 2280 человек, далее Якутия – 688, Приморье – 541, Сахалин – 320 и Амурская область – 94. В Тобольской и Томской губерниях водворенных ссыльных не было. По сосланным на жительство наблюдалась иная картина: меньше всего – 2 человека зафиксировано на Сахалине, далее идет Забайкалье – 117, Якутия – 273, Иркутская губерния – 1846, Енисейская – 2087, Томская и Тобольская губернии соответственно – 2570 и 2988, а всего 9881 человек. Подобные же особенности имелись и в размещении административно-ссыльных. Больше всего ссыльных этой категории, высланных по приговорам обществ, – 103 102 человека

из 146 658 (70,3 %) размещалось на территории Тобольской губернии, меньше всего – в Забайкалье (2 человека).

Много административных было в Томской – 35 736, Енисейской – 5853, Иркутской губерниях – 1250. В Якутии, Приморье и на Амуре их число было не значительным, а на Сахалине административных не было вообще. Численность административно-ссыльных, высланных же по распоряжению правительства была небольшой и составляла всего 1760 человек. Основное количество этих ссыльных – 976 человек (55,46 %) правительство размещало в Енисейской и Иркутской (573) губерниях, а также в Якутской области (148). В других регионах Сибири ссыльные этой категории насчитывались единицами.

Таким образом, размещение уголовных ссыльных за «Уральским камнем» в конце XIX в. имело свою ярко выраженную географическую специфику: в то время как Западная Сибирь служила местом отбывания наказания для административно-ссыльных, высланных по приговорам обществ (94,67 % этого контингента), а также сосланных на жительство – 56,25 %, в Восточной Сибири государство размещало в основном ссыльных по суду – ссыльнопоселенцев – 89,29 % и сосланных на водворение – 97,6 %.

В конце XIX в. часть регионов Сибири из-за их переполненности была закрыта для размещения новых ссыльных: Акмолинская и Семипалатинская области, Березовский и Сургутский округа, Бийский, Барнаульский и Кузнецкий уезды, а также отдаленные районы Нарымского края, в Енисейской губернии были закрыты Ачинский и Минусинский округа, в Забайкальской области – Троицкосавский, Баргузинский и Акшинский. Иркутская губерния была единственной в Сибири, где не было местностей, запрещенных для ссыльных.

Между тем, как и в других местностях, наблюдался избыток ссыльных. Так, в 1884 г. «Красноярск был настолько переполнен ссыльными, что обыватель потерял всякое терпение в борьбе с самыми

вопиющими случаями покушений на их личную и имущественную безопасность» [2, с. 275.].

Сибирские власти, интеллигенция края в течение многих лет обращались к правительству с предложением об отмене ссылки. Наконец, после многочисленных «тайных» комиссий и «секретных» комитетов, 12 июня 1900 г. последовал Высочайший указ, предусматривавший отмену ссылки в Сибирь по приговорам сельских и мещанских обществ. Если учесть, что ссыльные данных категорий составляли почти 85 % от общего количества ссылаемых в Сибирь, закон должен был радикальным образом изменить всю систему ссылки. Однако желаемого результата не получилось. Отменив ссылку по приговорам обществ, законодательство оставило практику выхода на поселение после отбытия каторжных работ, что не уменьшило, а, наоборот, приумножило количество ссыльных в Восточной Сибири. Так, например, на 1 января 1911 г. ссыльных всех категорий числилось в Иркутской губернии 55 536, в Енисейской губернии 44 545, в Забайкальской области – 14 669, в Якутской – 4 733, а всего – 119 483, что в среднем составляет 5,2 % к общему числу сельского населения этих губерний и областей.

В освоении Сибири уголовные ссыльные сыграли двойную роль. В промышленности они составляли значительную часть рабочих, способствовали, таким образом, развитию заводов и рудников. В сельскохозяйственном же освоении региона их влияние было скорее отрицательным. В большинстве своём это были люди, настолько докучавшие своим соседям, что сельские общества готовы были нести расходы по отправке их в ссылку. Сельским трудом, предполагавшим большую, нежели в промышленности долю самостоятельности и ответственности такие люди занимались неохотно и пополняли ряды бродяг и

преступников, представлявших серьёзную опасность для местных крестьян.

С разложением феодализма и укреплением капиталистических отношений всё большее значение приобретала вольная колонизация Сибири, вследствие чего уголовная ссылка утратила своё значение как фактор хозяйственного освоения Сибири и её отмена в 1900 г. была естественным и закономерным решением.

Список литературы:

1. Иванов А. А. Законодательство о ссылке и его применение в Сибири во второй половине XIX века // Известия Иркутской государственной экономической. 2011. № 4. С. 48-54.

2. Кискидосова Т. А. Уголовные ссылки в городах Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Азиатская Россия: Проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII-XXI вв.). Материалы международной научной конференции. Новосибирск, 28-29 ноября 2016 года. Новосибирск, 2016. С. 272-277.

3. Марголис А. Д. Тюрма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М.: Изд-во «Лантерна»; «Вита», 1995.

4. Степанова О. В. Развитие института ссылки в России в XIX веке // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 11 (15). С. 135-143.

5. Хламова А. М. Уголовная ссылка в Сибирь в материалах специального делопроизводства высшей сибирской администрации во второй половине XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Том 9, выпуск 1; История. С. 246-250.

6. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892. 720 с.

М. Г. СТЕПАНОВ

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ХАКАСИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В 2010 г. на базе Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории был инициирован важный научно-исследовательский и издательский проект «Очерки истории Хакасии советского периода». Благодаря проекту были получены ответы на большую часть трудных вопросов по советской истории региона.

Ключевые слова: трудные вопросы истории, гражданская война, репрессии, массовая коллективизация, народное хозяйство.

Становление и развитие советской власти в Хакасии сложный, противоречивый и одновременно доблестный период в истории. Хронологические рамки данного периода являются общепризнанными в современной российской историографии:

- нижняя граница – октябрь 1917 г. (эскалация политического кризиса, которая привела к революции и приходу к власти большевиков);
- верхняя граница – декабрь 1991 г. (формально-юридическое прекращение существования советского государства).

В настоящее время особо активизировалась деятельность по научному осмыслению исторического наследия. На базе ХакНИИЯЛИ в 2010 г. был инициирован важный научно-исследовательский и издательский проект «Очерки истории Хакасии советского периода», благодаря которому мы действительно получили ответы на большую часть трудных вопросов по советской истории региона.

Среди «трудных вопросов» советской истории Хакасии можно выделить:

1. ХАКАСИЯ В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917-1922 гг.):

- складывание революционной ситуации в регионе;
- основные движущие силы;

- учреждение Хакасского степного совета в 1918 г. (роль Ф.И. Окунева в его создании);
- реакция в Минусинском уезде на становление советской власти;
- боевые действия противоборствующих сторон (основные персоналии);
- итоги гражданской войны для Хакасии.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ХАКАСИИ В 1920-е – 1930-е гг.:

- Хакасия в период реализации новой экономической политики (часть с/х продуктов шла на экспорт);
- национально-государственное строительство в регионе (проекты и практика реализации);
- массовая коллективизация сельского хозяйства;
- политические репрессии в Хакасии в довоенное время (дело «Глубинка», дело «Союза сибирских тюрок», «большой террор», т.н. «бериевские» репрессии);
- культурное строительство в Хакасии;
- становление региональной системы здравоохранения;
- повседневная жизнь жителей Хакасии в 1930-е гг.

3. ХАКАСИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

- демографический аспект (количество призванных и масштабы потерь);
- подготовка военных специалистов (Бирмская школа подготовки пилотов в Черногорске, ШМАС в Усть-Абакане, формирование 309-й стрелковой Пирятинской Краснознамённой дивизии);
- деятельность эвакуационных госпиталей в Хакасии;
- итоги войны для Хакасии;

– учреждение Института усовершенствования учителей, ХакНИИЯЛИ, национальной школы-интерната.

4. ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ (СЕРЕДИНА 1940-Х – СЕРЕДИНА 1960-Х ГГ.):

- восстановление народного хозяйства в Хакасии;
- политические репрессии первых послевоенных лет;
- культура, образование и наука в 1945-1965-е гг.

5. ХАКАСИЯ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х – СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГГ.:

– экономическое развитие региона в середине 1960-х – середине 1980-х гг. (создание Саянского ТПК, строительство Саяно-Шушенской ГЭС, СААЗа, Абаканвагонмаша);

– культурная жизнь и улучшение социального благосостояния населения (деятельность театров, градостроительство, роль Г.А. Вяткина и др. вопросы).

6. ХАКАСИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (1985-1991 гг.):

– социально-экономическое состояние Хакасии в период перестройки (замедление темпов развития, деятельность текстильной, швейной и кожевенно-обувной подотрасли легкой промышленности);

– общественно-политическое развитие Хакасии в 1985-1991 гг. (деятельность КПСС в Хакасии в годы перестройки, начало критики действующей власти, рост национального самосознания коренного населения);

– образование Хакаской АССР (процесс обсуждения преобразования ХАО в РХ, основные политические деятели);

– культура, наука и образование во второй половине 1980-х гг.

Хорошим практическим выходом в изучении трудных вопросов по истории советской Хакасии будет использование просопографического метода (метода индивидуальных и коллективных биографий). Именно

персональная история стимулирует поисковую деятельность обучающихся, способствует более глубокому пониманию исторических процессов, в которые была вовлечена изучаемая личность.

Е. В. САМРИНА

ТРАДИЦИОННЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАКАСИИ ЧЕРЕЗ «ПРИЗМУ» ГЕОГРАФИИ

Статья посвящена влиянию географической среды на развитие традиционного хозяйственного комплекса хакасов. Благоприятные географические, климатические факторы способствовали появлению историко-географического феномена края — комплексного традиционного хозяйства, которое функционировало на протяжении нескольких тысячелетий. Методы исторической географии позволяют проследить опыт взаимоотношений между человеческим обществом и пространством, взаимовлияние человека и окружающей среды.

Ключевые слова: историческая география, коренное население, традиционный хозяйственный комплекс, скотоводство, земледелие, охота.

Историческая география — специальная историческая дисциплина, изучающая влияние географической среды на развитие человеческого общества. Специфические природные зоны, климатические условия, гидрографическая сеть, рельеф играют исключительную роль при формировании традиционного хозяйственного комплекса.

Большое значение в формировании важнейших черт физической географии Хакасско-Минусинской котловины, Саяно-Алтайского нагорья имел последний этап геологической истории — четвертичный период. В области природной — это период материковых оледенений. Именно в ледниковый период появились разновидности почв, современный рельеф.

Человек поселился на просторах Южной Сибири свыше 300 тыс. лет назад. Расселение неандертальцев, пришедших в Южную Сибирь с юга, пришлось на межледниковый период, когда произошло значительное потепление климата [6, с. 7].

Появление неандертальцев в Южной Сибири стало возможным, поскольку южная граница сплошной ледяной пустыни проходила севернее устья Подкаменной Тунгуски. территория была свободна ото льда,

следовательно, она входила в огромную область расселения неандертальцев, т. е. являлась частью той прародины, на которой сформировался человек современного физического типа [6, с. 5].

С окончанием заключительного сартанского этапа ледникового периода, в Сибири началось общее потепление климата. Тундра отступила к Ледовитому океану, тайга продвигалась на север, на юге распространялись лесостепи и степи с их особой флорой и фауной. Постепенно складывались современные ландшафты. Появление в Хакасско-Минусинской котловине первых родовых общин *Homo sapiens* («человека разумного») относится, по данным ученых к сартанскому этапу.

Традиционный хозяйственный комплекс, в основных чертах сложился несколько тысячелетий назад, просуществовал вплоть до XVIII в. А к началу XVII в. продолжал еще стабильно функционировать. Социально-экономический организм был основан на комплексной системе жизнеобеспечения, которая существовала на базе хозяйственно-культурного скотоводческого, земледельческого типов, таежных охотников, рыболовов, собирателей. Базовым элементом и основой экономического могущества степных империй было скотоводство. Но оно нуждалось в продуктах и земледелия и охотничьего промысла как необходимого товарного составляющего, придававшего ему динамизм. В свою очередь охотники нуждались в продуктах скотоводства и земледелия.

Существование подсистем единого экономического организма изолированно друг от друга было невозможно из-за экологической детерминированности системы жизнеобеспечения кыргызов и их кыштымов. Значимость каждой хозяйственной подсистемы была достаточно ощутимой в силу существовавшей взаимной обусловленности в продуктах подсистем жизнеобеспечения. Между субъектами этих отношений шел обмен базовыми продуктами питания. Основой системы жизнеобеспечения был этноэкологический принцип, подразумевавший существование

непосредственной функциональной зависимости форм жизнеобеспечения от всей совокупности параметров, занимаемой им территории.

Хакасско-Минусинский край (ХМК) расположен в центре Южной Сибири, долине Среднего Енисея. Для него характерно наличие разных географических областей, различающихся по ландшафту, климатическим показателям, выделяют степную, лесостепную, подтаежную и таежную зоны. Все экосистемы природно-территориальных комплексов ХМК были освоены населением еще в III тыс. до н. э.

Население афанасьевской (III тыс. до н. э.) культуры занималось скотоводством, ими были заложены основы земледелия и медной металлургии. К ранним скотоводческим археологическим культурам исследователи относят андроновскую (вторая половина II тыс. до н.э.), карасукскую (конец бронзового века) [2, с. 48]. Хозяйство населения тагарской культуры (VII-III вв. до н. э.) носило уже комплексный характер. Основу составляло скотоводство, земледелие, охота, горное дело, металлургия меди и железа [11, с. 31]. Возникли экономические предпосылки для возникновения государства динлин-тагарцев в Южной Сибири [4, с. 35.]

Степной ландшафт характеризуется высокой пастбищной нагрузкой. Значительные части пастбищных угодий, пахотных массивов с искусственным орошением находились в Абаканской и Уйбатской степи. Земледелие было неотъемлемой частью комплексной системы жизнеобеспечения Кыргызского государства (VI-XIII вв.). В засушливых местах строили оросительные каналы. Некоторые каналы достигали длины около тридцати километров. В Уйбатской степи, в долинах реки Тубы, Аскиза древние каналы сохранились до настоящего времени.

Таежные ландшафты благоприятствуют развитию присваивающих отраслей хозяйства (промыслового комплекса). Ограниченные возможности для развития здесь интенсивных форм сельскохозяйственного производства способствовали повышению роли присваивающих отраслей в традиционно практикуемой системе жизнеобеспечения. Характерный для таежной зоны

температурный режим устанавливает достаточно ограниченные сроки вегетационного периода культурных злаков. Неблагоприятен для сельскохозяйственного производства и характер распределения в течение года осадков. Данные обстоятельства напрямую сказывались на урожайности обрабатываемых участков, снижая тем самым уровень их продуктивности и эффективности всей земледельческой отрасли в целом. В условиях горно-таежных ландшафтов исследователями отмечается традиционно низкий уровень развития земледелия [см. 10].

Развитие животноводства в условиях преобладания черневой тайги и горно-таежных ландшафтов было ограничено орографическими условиями. Исследователями констатируются неблагоприятные в целом для отрасли геоботанические параметры осваиваемых участков. Скотоводство практиковалось в достаточно ограниченных рамках, и оно не ориентировалось на расширенное развитие.

В свою очередь экологические параметры таежной экосистемы способствовали повышению уровня значимости таких отраслей хозяйства, как охота (мясного, пушного направлений), ореховый промысел и рыболовство. Во многом этому способствовало наличие необходимой ресурсовой, биологической базы промыслов, обеспеченной существующими геоботаническими и фаунистическими особенностями осваиваемых природно-территориальных комплексов. Охотничий промысел давал возможность получения товарно значимой продукции, успешная реализация которой вполне могла способствовать определенной компенсации посредством товарообмена ощущавшегося недостатка продуктов сельского хозяйства, которые были в избытке у других этнических групп.

Между тем экономическая емкость традиционных хозяйств, ориентированных на охоту и рыболовство, не позволяла выделять достаточных материальных запасов на добычу пушнины. Для охоты кроме специального снаряжения, промысловой одежды, требовались значительные продуктовые запасы в виде калорийных и питательных зерновых, они

зачастую выменивались у других этнических групп. Известно, что хозяйство непроедающего типа, не имеющее дополнительных накоплений, со временем начинает приходиться в упадок. Поэтому товарообмен был необходимым процессом для поддержания жизнедеятельности присваивающих отраслей хозяйства.

Разнообразие орографических, геоботанических, климатических и фаунистических особенностей ХМК повлияло на сложение и доминирование того или иного хозяйственно-культурного типа. В зависимости от географических и экологических условий у каждой этнической группы наряду со вспомогательным элементом существовала базовая хозяйственная специализация. Это могло быть скотоводство, земледелие, металлургия или охота, на которую ложилась основная потребительская и накопительная нагрузка. В то же время указанный базовый элемент хозяйства у другой этнической группы выступал уже как второстепенный.

Разнообразие природных условий способствовало формированию различных локальных вариантов культурно-хозяйственных типов. Можно выделить древнейший по происхождению хозяйственно-культурный тип пеших охотников и рыболовов таежной зоны (кузнецкие и абинские татары, чулымские тюрки), скотоводы (кыргызы и тубинцы), скотоводы и земледельцы (сагайцы и бельтыры, качинцы). Бельтыры разводили оленей, об этом оставили сведения русские послы Василий Тюменец и Иван Петров, ездившие в 1616 г. к Алтын-хану через их земли [5, с. 48]. Основным занятием племен самодийской группы (камасинцы, маторы, койбалы, конные кашинцы) были охота и разведение оленей. Племена кетской языковой группы (котты, асаны, арины, кайдынцы, байкотовцы), проживавшие на территории по среднему Енисею от Казачинского порога до нынешнего села Нижне-Имбатское в ранних русских документах называемые «енисейскими остяками» занимались охотой, разведением оленей и рыболовством. Впоследствии кето и самодийскоязычные этнические группы были

подвергнуты тюркской языковой и этнической ассимиляции и влились в состав хакасов.

Система жизнеобеспечения населения ХМК, которую застали русские власти и зафиксировали ее в официальных документах начала XVII в., стала складываться, вероятно, еще в эпоху раннего металла (конец IV-II тыс. до н. э.), когда степные и лесостепные просторы Евразии, включая территорию ХМК, становятся колыбелью кочевого скотоводства. Переходу к кочевому скотоводству способствовали, во-первых, внутренние процессы, происходившие в среде степных народов, во-вторых, климатические изменения в сторону аридизации, в-третьих, широкое развитие коневодства. Интенсивное кочевое скотоводство давало возможность максимально использовать природные ресурсы степей, что способствовало получению прибавочного продукта, развитию обмена, социальной дифференциации и появлению предпосылок государственности [см. 12].

Таким образом, природные комплексы способствовали функционированию сложной системы хозяйствования как производящего (скотоводство и земледелие), так и присваивающего типов (охотничий промысел и собирательство). Сложился культурно-хозяйственный тип, в котором отразились особенности освоения природной среды этническими группами с разным уровнем социально-экономического развития. Система жизнеобеспечения существовала на базе хозяйственно-культурного скотоводческого, земледельческого типов, таежных охотников, рыболовов, собирателей, но каждая этническая группа, в зависимости от природно-территориальных комплексов, сохраняла базисный комплексный тип хозяйства. Это комплексное хозяйство было наиболее приспособленным к таким экологическим условиям, а с другой стороны, именно такие экологические условия позволяли лучше сохранить эти культурно-экологические и хозяйственные традиции. Хозяйственный комплекс кыргызов и кыштымов был весьма сложным и универсальным: кочевая и полукочевая степь – скотоводство с горизонтальным кочеванием,

совмещающееся с земледелием, охотой, рыболовством и развитием различных ремесел (обработка шерсти, ткацкое ремесло и т. д.), которые удовлетворяли потребности не только в одежде, но и в изготовлении жилищ – войлочных переносных юрт. Всадничество, использование колесной повозки и юрты обеспечивали освоение обширных территорий жизненного пространства. В середине III тыс. до н. э. население освоило металлургию бронзы и железа [4, с. 18]. Благодаря уникальности географических, климатических факторов ХМК в Сибири стало возможным создания историко-географического феномена края — комплексного традиционного хозяйства, которое функционировало вплоть до прихода русского населения.

Система жизнеобеспечения кыргызов и их кыштымов составляла единый культурно-хозяйственный комплекс, между ними шел обмен базовыми элементами системы жизнеобеспечения. Это была вполне самодостаточная, целостная и функционально уравновешенная система, торговля пушниной придавала которой динамизм, способствуя притоку товаров элитарного уровня (шелковые ткани, украшения и т.д.). Эксплуатация разных природно-хозяйственных ниш предполагала развитие и укрепление внутренних обменных отношений.

Традиционная система жизнеобеспечения начинает испытывать неустойчивость в 20-ые годы XVII в., когда многие этнические группы стали подвергаться полному разорению со стороны служилых, и самих кыргызов. В ясачных волостях стали часто фиксироваться случаи гибели людей от голода. Катастрофическая нехватка продовольствия среди коренного населения описывается историческими документами на протяжении всего XVII в., а особенно часто во второй половине XVII в.

Начинают раздаваться жалобы, что «в лесах и зверях, а также в реке рыбы пред прежними годами стало малое число», сообщается, что «многие иноземцы с голоду помирают» [9]. О значительных масштабах нехватки продовольствия говорит тот факт, что умирали от голода не только рядовые ясачники, но и главы волостей. Например, в 1681 г. глава Большой

Байгульской волости Кырыскула Пыжин умер с голода, как и многие другие плательщики ясака Томского уезда [3, с. 101].

С. В. Бахрушин отмечал, что «в 1680-х годах правительство было озабочено вымиранием туземцев от частых голодовок, «и оттого де... великих государей казне и мягкой рухляди бывают недоборы многие». Для борьбы с этим злом было предписано послать из Енисейска в Красноярск 200 четей ржаной муки для снабжения голодающего туземного населения. Это была первая мысль о будущих хлебных магазинах» [1, с. 57]. В конце XVII в. государство начинает поставлять продовольствие ясачным народам Сибири в виду их бедственного положения [1, с. 50].

Как известно в XVII в. в истории России произошли эпохальные исторические события. XVII в. ознаменовался Смутным временем. За короткий период времени в стране сменилось шесть правителей. В это время прекратилась власть династии Рюриковичей, был поставлен на княжение князь, выбранный на Земском соборе – первый Романов.

В государстве происходят социальные потрясения, население испытывает небывалый голод. Например, во время голода 1601-1603 гг. погибло около 1/3 населения страны. В 1606-1607 гг. произошло восстание под предводительством атамана Ивана Болотникова.

В это же время, т.е. со второй половины XVII столетия началось похолодание и увеличение ледовитости арктических морей, длившееся до середины XIX в. В европейской части России возросло количество как засушливых, так и чрезмерно дождливых летних сезонов, суровые зимы сменялись исключительно мягкими, очень частым явлением были «великие бури». Большой голод 1690 г. был вызван нашествием саранчи на многие районы вплоть до Москвы и длительными дождями в отдельных местностях.

Метеорологические условия в XVIII в. отличались значительными колебаниями и общим усилением экстремальности и контрастности погодных условий. Засушливые лета чередовались с дождливыми, суровые зимы с мягкими, часто повторялись крупные половодья, бури, холодные

весны, возвраты холода и морозы летом. В течение века не было более или менее продолжительного периода нормальных сезонов. Россия пережила в XVIII столетии 68 чрезвычайно голодных лет, большая часть которых была обусловлена исключительно неблагоприятными погодными явлениями. В первой половине XIX в. контрастность зимних и летних сезонов уменьшилась, мягкие зимы стали редкими, частыми были морозы в конце лета, а засухи, хотя и оставались частыми, носили локальный характер. С середины века начало заметно сокращаться число экстраординарных природных явлений, переходный период к более теплomu и менее экстремальному климату завершился в первой четверти XX в.

В 40-е годы XVII в. в Южной Сибири также периодически следовали неурожайные годы из-за климатических факторов. Климатологи отмечают, что на Алтае в конце XV в. началось заметное снижение средних летних температур воздуха, а во второй половине XVI – начале XVII вв. наблюдалось существенное и продолжительное похолодание [8, с. 170]. Последнее являлось проявлением, так называемого в палеоклиматологии «малого ледникового периода» [7, с. 343–346].

Таким образом, методы исторической географии позволяют по иному взглянуть на известные исторические события, обогащая и расширяя возможности исторического познания и исследования.

Список литературы:

1. Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI-XVII вв. // Научные труды. Т. IV. М., 1959. 258 с.
2. Грязнов М. П. Тагарская культура // История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968. С. 187-196.
3. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. 622 с.
4. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / под ред. Л. Р. Кызласова. М.: Наука, 1993. 523 с.

5. Копкоев К. Г. Присоединение Хакасии к России: дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 1965.
6. Кызласов Л. Р. Древняя и средневековая история южной Сибири. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1991. 58 с.
7. Монин А. С., Шишков Ю. А. История климата. Л.: Гидрометиздат, 1979. 408 с.
8. Окишев П. А. «Малый ледниковый период» на Алтае // Материалы социологических исследований. Вып. 52. М., 1985. С. 52-58.
9. Памятники Сибирской истории XVIII века. 1700–1713 г. Кн. 1. СПб: Типография МВД, 1882. 600 с.
10. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 307 с.
11. Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 112 с.
12. Чибилев А. А., Богданов С. В. Наследие кочевнических империй в ландшафтах степей Северной Евразии // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 9. С. 823–830.

А. А. БУРНАКОВ

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИИ ХАКАСОВ (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье рассматриваются дискуссионные аспекты традиционной религии хакасов (XIX – начала XX вв.). При помощи методов и понятийного аппарата современного религиоведения производится типологизация основных автохтонных системообразующих культов и описывается структура религиозной системы.

Ключевые слова: религия, традиционная религия, шаманизм, не шаманистские культы, мистицизм.

Традиционные религиозные верования хакасов остаются не достаточно изученной частью хакасской культуры. Первые описания религиозных верований хакасов в русских исторических источниках появляются в самом начале XVII в., но обладают малой информативностью. В них освещается лишь шаманский пласт верований, видимо из-за его широкой распространённости в повседневной жизни (например, лечение, гадание, различные фетиши, амулеты и т.д.). А первое упоминание о хакасских верованиях записано в г. Томске весной 1608 г. Письменно зафиксировано упоминание о «шамане Ивашка», якобы напустившего болезнь на жителей Томска [7, с. 246].

Известно также о трех сообщениях за 1737 г. служилого атамана Мугунчакова о религиозных верованиях качинцев [15, с. 114-115]; сообщение Ивана Нашивошникова об аринцах (этническая группа самодийского происхождения) [15, с. 119]; сообщение красноярских детей боярских Прокопия Многогрешного, Семёна Аксакова, Ивана Саламатова в Красноярскую канцелярию; краткое упоминание о верованиях *коттов* (этническая группа кетского происхождения, влились в состав койбалов) [15, с. 127-128].

Информация, как правило, носила негативный характер, впоследствии подобная установка была воспринята учёными, интересы которых лежали в основном в естественнонаучной сфере, к духовной

культуре народов Сибири они обращались редко и поверхностно.

И. Г. Георги первым из учёных описал категории лиц, допускаемых к ритуальным действиям. Он отметил, «кроме сего высшего волшебства (шаманизма – А.Б.), есть у всех язычников ещё и простое колдовство, производимое священнослужителями, а иногда и простолюдинами, сходное с чародействами киргизских месяцесловщиков, цыган и наших карточных и кофейных предсказательниц ...» [5, с. 389].

Г. И. Спасский упоминает о существовании сложной религиозной системы и обрядности у хакасов. Хотя он и не дал названия этого праздника, но из текста явствует, что речь идёт именно о празднике описанного более поздними исследователями, как *Tugir тайыи*. Г. И. Спасский писал, что «хотя Богослужение кочующих не имеет учреждённых обрядов, однако же отправляют они ежегодно один такой праздник, которой заслуживает, сколько любопытства, столько же и удивления. Праздник сей посвящён единственно только Всеблагому Существу (*Кудаю*)» [17, с. 91]. Однако потребовалось ещё не одно десятилетие, прежде чем это наблюдение подтвердили другие исследователи.

Видные исследователи Сибири А. В. Адрианов, Н. Попов, Е. К. Яковлев, учёный-тюрколог Н. Ф. Катанов при описании культа Неба, отмечали запрет на участие в нём шамана, женщин и даже самок животных.

Д. Е. Лаппо подверг критике устоявшееся мнение. Автор считал хакасов «*троеверами*» и различал в верованиях хакасов шаманизм, христианство и следы какой-то другой религии. Он подчёркивал особое значение моления Небу. «Всматриваясь ближе в жизнь степняков, нетрудно заметить, наряду с христианством и идолопоклонством шаманизма, существование у них третьего культа единого *Бога – Худая* [7, с. 142]. Исследователь отмечал, что хакасы строго отделяют *культ Кудаю* от шаманского культа, более того шаман даже не может присутствовать на жертвоприношении *Кудаю* [7, с. 163-165]. «Шаманистскую концепцию»

подверг сомнению и учёный-этнограф С. Д. Майнагашев. Он сообщал, что «кроме жертв, приносимых духам шаманами, мне пришлось наблюдать жертвы, приносимые населением без шамана. Такие жертвы приносятся в горах или улусах...» [23, с. 28].

Исследователи II-й половины XX в. отмечают большую значимость шаманизма в духовной жизни народа. В частности, американский религиовед М. Элиаде подчёркивал, что «на всей огромной территории Центральной и Северной Азии магико-религиозная жизнь общества сосредотачивается вокруг шамана. Это, конечно, не значит, что он единственный, кто имеет доступ к сакральному, или же что он взял на себя контроль над всей религиозной деятельностью. Во многих племенах наряду с шаманом существует также жрец-жертвоприноситец, не считая того, что каждый глава семьи выступает также в роли главы домашнего культа» [22, с. 16]. Развивая свою мысль, знаменитый учёный добавляет, что «хотя шаманизм и доминирует в религиозной жизни Центральной и Северной Азии, он не является общей религией этой огромной территории. Только недоразумение или соображения удобства могли привести к тому. Что религии арктических или тюрко-татарских народов считали шаманизмом. Религии Центральной и Северной Азии выходят за рамки шаманизма во всех отношениях, подобно тому, как каждая религия выходит за рамки мистического опыта её главных носителей, *избранных*» [22, с. 18].

В работе используются методы классического религиоведения: *типологический анализ* и *структурно-функциональный анализ*. При применении *метода типологического анализа* были использованы следующие критерии:

1. Группирование основных религиозных культов по принципу Верх – Низ в трихотомической модели мира, где безусловный приоритет в иерархии принадлежит Верхнему миру, что отражено в соответствующих мифах о сотворении мира [9, с. 552];

2. деление объектов почитания по сакральной значимости для мира людей:

а) праздники с молениями и жертвоприношениями в честь высших и светлых сил (Неба и небожителей), некоторых духов и божеств Среднего мира, которых хакасы причисляли, как писал Е. К. Яковлев, к «находящимся вне сферы злых духов» [24, с. 102];

б) праздники с молениями и жертвоприношениями производимые в честь духов и божеств Среднего мира (Гор, Воды, Огня и т.д.), они нередко имели амбивалентную природу;

3. группирование лиц, имевших право проводить религиозные обряды, по природе их религиозной силы и / или авторитета:

а) *алиысчыл`ы* (букв. благословители) / *чилбекчи* (букв. опахальщик) [7, с. 193-195] – непрофессиональные выборные лица, из среды уважаемых в данном сообществе стариков и хорошо знающих религиозные обряды;

б) *хам`ы* (шаманы) профессиональные (в религиозно-мистическом плане) служители культа;

4. группирование по количественным показателям и социальной структуре состава участников религиозных обрядов:

а) самый крупный религиозный праздник без участия шамана – *Тигир тайши / тайыг* носил ярко выраженный общественный характер [24, с. 101] собирал жителей определённой территории по одним данным до 300 и более человек [17, с. 92], а по другим до 500 и 1000 человек [24, с. 101];

б) самый крупный религиозный праздник с участием шамана – *Таи тайши / тайыг* собирал в основном представителей одного *соок`а* (кровного рода), или жителей одного *улуса* (селения), где жили представители разных родов. Количество участников могло достигать до ста человек [23, с. 11].

Религиозная система хакасов с достаточно развитым *религиозным сознанием* и *культотом*, не имеет *религиозной организации*. Этнографические данные позволяют говорить о ней, как о религии в широком смысле (как о

связи / общении с божественным).

Одной из проблем, не позволяющих выработать объективный и непротиворечивый подход в определении религиозных верований хакасов, это деление культов на два типа в совершении которых участвуют два разных лица: с центральной фигурой *шамана (хам`а)* и с центральной фигурой *благословителя (алиысчыл`а)*.

Применение метода типологического анализа ведёт к образованию двух групп культов: шаманистских (с центральной фигурой шамана) и не шаманистских (с центральной фигурой – благословителя).

Шаманизм является сложным и многогранным религиозно-мистическим явлением. Он одновременно выступает и как феномен духовной культуры, и как ранняя форма религии, состоящая из элементов других ранних форм религий (анимизм, анимализм, фетишизм, магия и т.д.) Констатируя различные подходы в определении шаманских верований, известный российский этнограф А. В. Смоляк, писала, что, «...общепринятого определения шаманизма не существует» [18, с. 6]. С этой проблемой тесно связана и проблема, считать ли шаманизм отдельной религией. Часть учёных, в том числе и советский этнограф Л. П. Потапов считают шаманизм отдельной религией. «В отличие от большинства религий, созданных тем или иным основателем и его последователями, шаманизм алтае-саянских народов является религией, хотя и возникшей в древности. Но сложившейся естественным историческим путём на основании народного мировоззрения, включавшего и ранние религиозные, и мифологические представления, связанные с отношением человека к окружающей природе и её стихийным силам» [14, с. 21].

Другие исследователи не признают шаманизм в качестве отдельной религии, а относят его к явлениям, феноменам или к комплексам, связанным с деятельностью шамана. Среди сторонников этой точки зрения и американский религиовед М. Элиаде, считавший, что «.....первым и, возможно, наименее рискованным определением этого сложного явления

будет формула: шаманизм – это техника экстаза» [22, с. 16]. Другой сторонник этого течения австрало-американский исследователь Р. Уолш, считает, что «шаманизм можно определить, как совокупность традиций. В которых те, кто его практикуют, добровольно входят в изменённые состояния сознания и ощущают себя или свой дух путешествующим в иных пространствах и взаимодействующим с иными сущностями в интересах своей общины» [20, с. 21].

Помимо этого, существует и проблема с использованием терминов «шаманизм» и «шаманство». Часть современных российских этнографов разделяет эти термины, считая, что *шаманство* – это обрядовая деятельность и поверья, непосредственно связанные с деятельностью шамана, а *шаманизм* – это система воззрений у народов, в жизни которых шаманы играли важную роль. Другие исследователи с этим не согласны, например, известный советский и российский этнограф В. Н. Башилов считал, что разграничение «шаманства» и «шаманизма излишне усложняет понимание сути дела [2, с. 7].

Традиционный хакасский шаманизм (XIX – XX вв.), по своим характеристикам более всего соответствует определению *мистики / мистицизму* (с греч. *закрытый, таинственный*). «Веру в возможность непосредственного духовного общения человека с таинственными метафизическими силами (Бог, безличный Абсолют, первосущность мира, духи и пр.) путём выходящим пределы естественных человеческих способностей» [16, с. 118-119]. И соответственно, шаманизм (как подсистему) следует определять, как мистическую часть традиционного хакасского религиозного комплекса, центральной фигурой которого является шаман (*хам*), посредник между миром посюсторонним и миром потусторонним.

О сложной и полифункциональной роли шамана в традиционных обществах говорят многие исследователи. Религиовед Е. Г. Балагушкин отмечает «...шаман, являясь классической фигурой языческого

мистицизма, в то же время осуществляет и магические действия. И производит обряды религиозного поклонения, и обладает даром ясновидения» [1, с. 19].

Хакасские шаманы – служители религиозно-мистической части в религии хакасов исполнявшие различные религиозные и магические функции. Основной функцией шамана, как избранника духов было посредничество между мирами – видимым и осязаемым (посюсторонним) и невидимым и неосязаемым (потусторонним), при помощи мистической силы своих служебных духов (*тӱс`ей*). Отличительной чертой шаманов от других категорий лиц, исполнявших религиозные (*алгысчыл`ы*) и мистические функции (*кӱрӱгчи и др.*), при проведении религиозных или магических обрядов было впадение в экстатический транс. Об его избранности обязательно свидетельствовала мифическая лишняя косточка (*хак. артых сӱӱк*).

В хакасской религиозной традиции считалось, что шаманы созданы самим богом для защиты людей от негативного воздействия жителей Подземного мира. Как гласит один из мифов записанный исследователем Н. С. Тенешевым, после изгнания богом *Ирлік-хана* в Подземный мир, последний затосковал по земле и свету. И неоднократно выпрашивал у бога для себя земли, в последний раз в размере конца своего посоха. Бог сжалился над *Ирлік-Хан* и выделил ему землю размером с наконечник посоха. *Ирлік-Хан* тут же вонзил его в землю и образовал дыру, через которую из Подземелья хлынули всякие вредные насекомые, змеи, лягушки, ящерицы, а за ними черти с рогами и хвостами и многоголовые драконы. Бог, увидев, что *Ирлік-Хан* обманул его тотчас же закрыл проход, успевшие проскочить обитатели Нижнего мира стали бродить по Среднему миру и одним лишь своим присутствием вредить людям. Тогда бог решил «чтобы отгонять всю эту нечисть, от людской среды, от человеческих селений и, чтобы лечить болеющих людей, бог сотворил шаманов. Шаманы отгоняли этих чертей от человеческой среды, запирали в горы на

долгие годы, лечили больных посредством камлания. С тех времён на Земле среди народа с чёрными волосами стали распространяться шаманы, размножаться, как все остальные люди» [19, с. 1].

Впоследствии, под влиянием православных священников, боровшихся с автохтонными верованиями и пытавшихся искоренить шаманизм, распространялись представления о шаманах как о слугах дьявола. С течением времени такая интерпретация роли шаманов отчасти была воспринята и отдельными представителями самого хакасского народа.

В советское время ко всем религиям было сугубо негативное отношение, а шаманы и шаманизм рассматривались как архаический пережиток родового общества, с которыми необходимо бороться. Шаманов считали паразитами-шарлатанами, но полностью искоренить шаманизм не удалось, несмотря на репрессии и даже публичные отказы от своей деятельности отдельных шаманов [8, с. 1-7]. По этому поводу в 60-е годы XX в. этнограф К. М. Патачаков писал, что «к пережиткам анимистических представлений относится вера в силу магии. Среди хакасов имеются ещё верующие в шаманское колдовство. Некоторые из них при заболевании кого-либо из членов семьи иногда предпочитают идти к шаману» [13, с. 4-6].

В настоящее время отношение к шаманизму продолжает оставаться неоднозначным. Одни исследователи, в том числе этнолог-шамановед В. И. Харитонов и др., относят его к феноменам духовной культуры который необходимо изучать с применением интердисциплинарного подхода. Она считает, что «шаманские способности и «шаманская реальность» могут получить научное объяснение [21, с. 52]. Другие же, в том числе этнограф В. Я. Бутанаев, придерживаются сугубо негативных оценок, акцентируя всё внимание на отрицательных сторонах шаманизма. Исследователь считает, что «согласно хакасской мифологии первого человека создал верховный творец *«Хан-Худай»*, а первого кама – бог подземного мира

Ирлик-хан. Хакасы уверены, что шаманом становится человек, отмеченный знаком бесовской силы Ирлик-хана» [4, с. 10].

Шаманизм и сам шаман имеют важное значение в религиозном мировоззрении хакасского народа. Фигура шамана является центральной фигурой многих праздников:

1. Культ освящённых животных (*БІзых тайиш*).
2. Культ хозяев гор (*Таг тайиш*).
3. Культ хозяев вод (*Суг тайиш*).
4. Культ хозяйки-матери огня (*От тайиш*).
5. Культ плодородия (*Хоча хан тайиш*).
6. Культ фетишей (*Козее / Тас обаа тайиш*).
7. Домашние религиозно-бытовые и лечебно-охранительные обряды.

В трёхмерной Вселенной основная религиозно-мистическая деятельность шаманов проходила в пределах Среднего и Нижнего миров, а в главные функции шаманов входили:

организация и проведение семейно-родовых праздников в честь тех или иных ландшафтных духов (*ээзи*) или мифических покровителей рода (*сöök`а*);

проведение обрядов почитания семейно-родовых фетишей (*хак. тös`тер; рус. обереги*);

лечение от различных болезней, т.к. существовало убеждение о происхождении болезни от злых духов;

проведение различных гаданий, предсказаний и поиск пропавших вещей и скота.

К категории *не шаманистских культов*, относятся культы, при отправлении которых шаман не требовался, а в ряде случаев даже не допускался. Религиозное действо на крупных мероприятиях – *тайиш / тайиш* осуществляли выборные лица – *алгысчыл`ы* (букв. благословители) или *чилбекчи* (букв. опахальщик) [7, с. 193-195]. В религиозных обрядах более низкого уровня – часть культа *Тос`ей (оберегов)*, относящихся к

духам Среднего мира ритуальные действия (в основном кормления оберегов) проводил хозяин дома или даже пожилая женщина. Количество этих праздников и обрядов даже несколько превышало шаманистские:

1. Новый год (*Чыл пазы [улукун]*).
2. Праздник первого айрана (*Тун айран [улукун]*).
3. Праздник Берёзы (*Хазын тайши*).
4. Праздник посева (*Урен хурты [елекен]*).
5. Праздник Неба (*Тигір тайши*).
6. Праздник изваяний и стел (*Козее / Тас обаа тайши*).
7. Праздник фетишей (*Тос тайши*).
8. Праздник урожая (*Уртен тойы*).
9. Праздник последнего айрана (*Айран солындызы [улукун]*).
10. Домашние и промысловые религиозно-бытовые обряды.

Особо выделяется культ Неба (*Тигір тайши / тайыг*), как по своему статусу, так и по особенностям отправления религиозных обрядов.

ПРАЗДНИК НЕБА (Тигір тайши / тайыг)

Религиозный праздник в честь Синеющего Синего Неба [10, с. 99] и небожителей, именуемых в разных местностях по-разному: *Чайан`ы*, *Бурхан`ы*, *Худай`и* с молением и ритуальным жертвоприношением известен с эпохи Средневековья. Изначально являясь ядром автохтонных религиозных верований народов Центральной Азии, к началу XX вв. он сохранился только у хакасов [12, с. 172]. В это время уже широко использовался юлианский календарь, и праздник в честь Неба проводился в Петров день (12 июля по старому стилю) или около того. Исследователи отмечают, что при этом обязательно учитывалась фаза луны, так Е. К. Яковлев записал, что «небесное моление (проводится – А.Б.) в июньское полнолуние» [24, с. 108]. В отношении периодичности проведения *Тигір тайши`а* нет единого мнения. Н. Ф. Катанов в одном случае писал (июль 1896 г.) «...жертвы же духу неба (не Кудая), который равносителен духу огня, приносятся в самых редких случаях, например, во время засухи,

эпизоотии, голода на самой высокой горе...» [23, с. 10]. А, в другом труде, сообщал, что данное религиозное мероприятие проводилось ежегодно. По сведениям учёного-этнографа С. Д. Майнагашева, бельтыры проводили жертвоприношение Небу – один раз в три года [10, с. 94]. Учёный-этнограф В. Я. Бутанаев указывает на ежегодное проведение этого религиозного обряда, причём в ряде местностей с чередованием используемых культовых гор [3, с. 162].

Как религиозный праздник *Tugir тайыи* являлся центральным религиозным событием для подавляющего большинства хакасов, за исключением таёжных жителей у которых данный культ не зафиксирован.

Основными целями молений, при обращении к Небу и небожителям по материалам Н. Ф. Катанова являются просьбы на исполнение таких чаяний, которые не могут быть осуществлены всеми остальными духами и божествами:

1. Фундаментальные просьбы, касающиеся сохранения основ бытия. «Чтобы не прервались корни (жизни – А. Б.), чтобы не разрушилось жилище!» [9, с. 401]. «Чтобы не умирающими-бессмертными быть! Чтобы не прекращающимися поколениям (людей – А. Б.) быть!Всем Великим богам пусть будет слышно!» [9, с. 402].

2. Просьбы локального характера. «Ради жилища для своего народа! Ради травы, чтобы она росла на чёрной земле! Ради травы для пасущегося скота! Ради хлеба, посеянного Русскими, чтобы он вырос! О небо (поклоняемся тебе)!» [9, с. 402].

Таким образом, религия хакасов XIX – начала XX в. представляла собой достаточно сложную систему из двух крупных подсистем, охватывавших разные участки трёхмерной Вселенной (*Тилекей*):

1. шаманистской (религиозно-мистической) части, в сферу компетенции которой входили в основном Средний и Нижний миры;

2. не шаманистской (религиозной) части в сферу компетенции которой входили в основном Верхний и Средний миры.

Шаманская часть, в основном носила более приземлённый, утилитарный и низовой характер (мистическое взаимодействие с ландшафтными и иными духами, лечение, гадания и т.д.)

Не шаманистская часть была направлена на более высокие уровни, где затрагивались вопросы основ бытия – непрерывности жизни и благополучия не только своего, но и других народов.

Обе религиозные традиции в своём единстве и составляли хакасскую религиозную систему, не вызывая внутреннего противоречия в сознании хакасов.

Некоторые современные исследователи придерживаются концепции, основанной на аккумуляции негативных сторон этого явления (похищения душ, вражда между отдельными шаманами, различные действия шаманов-шарлатанов и т.д.). В условиях традиционного общества институт шаманов был призван обеспечить благополучие того сообщества, в котором проживал шаман и как правило не транслировал информацию, события негативного характера. Этнографические материалы подтверждают, что в тандеме эти традиции образуют традиционную религиозную систему, одним из внешних проявлений которого является цикл религиозных праздников и обрядов.

Список литературы:

1. Балагушкин Е. Г. Мистицизм в современной России: Теория. Основные представители. М.: Книжный дом «Либроком», 2018. 232 с.
2. Басилов В. Н. Избранники духов. М.: Политиздат, 1984. 208 с.
3. Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003. 260 с.
4. Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан, 2006. 254 с.
5. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей /

предисл. и прим. Дмитриева В. А. изд. 2-е. СПб., Русская симфония, 2007. 816 с.

6. Горелов А. А. Религиоведение в вопросах и ответах (Учебное пособие). М.: Эксмо, 2007. 272 с.

7. Живая старина-III. Книга для чтения по историческому краеведению (XIX-начало XX века). Абакан, 2010. 336 с.

8. Лит. запись Н. Г. Доможакова. Рукописный фонд Хакасского национального краеведческого музея (ХНКМ) им. Л. Р. Кызласова.

9. Образцы народной литературы тюркских племён изданные В. Радловым. Часть IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведённые Н. Ф. Катановым. СПб., 1907. 658 с.

10. Майнагашев С. Д. Жертвоприношение небу у бельтиров (с двумя таблицами рисунков) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Пг., 1916. Т. III. С. 93-102.

11. Новейший словарь религиоведения / авт.-сост. О. К. Садовников, Г. В. Згурский; под ред. С. Н. Смоленского. Ростов на Дону: Феникс, 2010. 444 с.

12. Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX-начало XX в.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1977. т. XXXIII. 230 с.

13. Патачаков К. М. Религиозно-бытовые пережитки у хакасов и пути их преодоления // Материалы для лекций и бесед. Абакан, 1960. 18 с.

14. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 320 с.

15. Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII – XIX вв.). Абакан: Хакоблгосиздат, 1952. 218 с.

16. Религиоведение: учебник для вузов / под ред. И. Н. Яблокова. 2-е изд. М.: Юрайт. 2018. 371 с.

17. Сибирский вестник. СПб; Типография Иоаннесова, 1818. № 1. 590 с.

18. Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
19. Рукопись Тенешева Н. С. Рукописный фонд ХНКМ им. Л. Р. Кызласова.
20. Уолш Р. Дух шаманизма. М.: Изд-во Трансперс. Инст-та, 1996. 288 с.
21. Шаманский дар. К 80-летию доктора исторических наук А. В. Смоляк (этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам). Том VI. М., 2000. 338 с.
22. Элиаде М. Архаические техники экстаза. М.: Академический проект, 2015. 399 с.
23. Этнографические экспедиции Н. Ф. Катанова (1896) и С. Д. Майнагашева (1913-1914) в Хакасии / сост.: В. Н. Тугужекова, А. С. Чочиева. Абакан, 2007. 59 с.
24. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог этнографического отдела музея. Описание минусинского музея. Выпуск IV. Отдел этнографический. Минусинск, 1900. 343 с.

Т. В. ГОЛЬЦЕР, А. В. ДЕРЯЖНАЯ

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ШИРИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В работе представлены результаты исследований уникальных археологических и природных памятников Ширинского района: Малая Ссыя, горная гряда Сундуки, Туимский кромлех, поселения близ озера Иткуль. Они занимают видное место среди мировых археологических памятников планеты.

Ключевые слова: древние поселения, Хакасия, астроархеология, природные особенности, уникальные артефакты.

Трудные вопросы истории древней Хакасии будоражат умы учителей и учеников. Ширинский район Республики Хакасия богат уникальными историко-археологическими и таинственными природными памятниками Малая Ссыя, горная гряда Сундуки, Туимский кромлех, поселения близ озера Иткуль.

Загадочные природные явления и пока неразгаданные тайны природных памятников ученые пытаются объяснить с помощью различных теорий. Согласно одной из них, приверженцами которой являются географы Томского государственного университета, географическое пространство на Земле неоднородно и в некоторых местах «снижается» и «коллапсирует». Все явления и процессы в таких местах происходят гораздо быстрее, чем на остальных территориях. В физической географии это районы тектонической активности, рифтовые зоны столкновения литосферных плит на глобальном уровне, поймы рек на локальном. В экономической географии - это районы крупных городских агломераций [1, с.2].

Через территорию Ширинского района проходит зона геологического межгорного прогиба - разлома. Рельеф формируется хребтами восточного склона Кузнецкого Алатау и Чулымо-Енисейской котловиной.

На сравнительно небольшой территории сосредоточены уникальные природно-ландшафтные комплексы: экосистемы от полупустынь до

субальпийских лугов. Решением ЮНЕСКО Алтае-Саянский экологический регион, в состав который входит и Ширинский район, отнесен к числу приоритетных экологических территорий планеты [11, с.2].

Большое количество природных комплексов, соседствующие рядом, создавали благоприятные условия для обитания и хозяйственной деятельности человека: озёра, богатые рыбой; открытые степные пространства для выпаса скота; обширные лесные массивы для собирательства и охоты; пещеры для укрытия в ненастную годину; отвесные скалы для защиты от неприятеля.

Палеолитическая стоянка Малая Сыя находится в восточных предгорьях Кузнецкого Алатау на левом берегу реки Белый Июс, с южной стороны от посёлка Малая Сыя. Она внесена в каталог 10 древних стоянок мира. Археологи под руководством В. Е. Ларичева определили хронологический интервал формирования культур содержащего слоя на Малой Сые в пределах 26-32 тыс. [8, с. 91-100].

Объект является значимым элементом археологического микрорайона, включающего как открытые стоянки, так и пещерные комплексы. Здесь обнаружены археологические и палеофаунистические материалы. Ряд предметов выполнены из мягкого поделочного камня (серпентина и его разновидностей) и имеют особый интерес с точки зрения технологии их изготовления – формообразования, декорирования, сверления изделий. Это позволяет характеризовать предметы как изделия, имеющие особый статус в культуре. Поведенческую стратегию и культуру человека современного физического типа характеризуют предметы знаковой символической деятельности. В эпоху палеолита к ним относились обработанные зубы животных, изделия из камня мягких пород, кости и бивня. Сложные знаковые системы демонстрируют фигуративное творчество, выраженное в комплексах различных искусственных форм (скульптура, живопись, гравировка), музыкальные инструменты (свистки из костей птиц), погребения [7, с.109-122]. На Малой Сые при работе с изделиями

использовался примитивный набор рабочих инструментов – ножи, резцы, провёртки [8, с.91-100].

Сундуки – древняя астрономическая обсерватория в долине р. Белый Июс. На границе высокогорной тайги со степью располагается цепь живописных песчаниковых гор со скальными вершинами, названных жителями окрестных деревень Сундуками. Всего насчитывается шесть Сундуков. С подножиями и склонами этих красноцветных возвышенностей, вертикально обрывистых с восточной стороны и пологих с запада, оказался связанным целый ряд астроархеологических памятников. Археолог В. Е. Ларичев на протяжении более тридцати лет являлся руководителем экспедиций по изучению памятников древней культуры. С помощью детальной топографической съёмки им были определены опорные астрономические азимуты по наблюдению Полярной звезды и Солнца. Отмечено, что все астрономически значимые события: восход зимнего Солнца и его закат, а также заход летнего Солнца хорошо привязываются к заметным объектам на горизонте [6, с. 73 – 91].

Из всей горной гряды наиболее зрелищным выглядит Первый сундук со скальной кубовидной вершиной. В. Е. Ларичев полагал, что эта гора есть воплощение мифа о Мировой горе, вокруг которой вращаются дневные и ночные светила. Он утверждал идею связи окружающего ландшафта с космогоническими представлениями древних людей. Для подтверждения этой гипотезы необходимо было с использованием инструментальных и естественнонаучных методов получить доказательства, что древний человек обустроивал эту гору в соответствии со своими представлениями о Мире. В пределах Первого сундука за годы работы было обнаружено и исследовано множество астроархеологических памятников, предназначенных для отслеживания Солнца, Луны и даже звезды Арктур. Кроме того, были получены доказательства, что самая заметная вершина Первого сундука являлась естественным ориентиром для наблюдений с отдаленно расположенных гор [6, с. 73 – 91].

В. Е. Ларичев стремился раскрыть духовный мир древних людей через расшифровку петроглифов в комплексе со святилищем, где они расположены. Он обращал внимание на ориентировку и взаимное расположение скальных плоскостей, освещенность в течение суток и года, и на многие другие детали. Этот метод позволил близко подойти к разгадке четвертого Сундука эпохи тагарской археологической культуры [5, с. 200-234]. Особенности ландшафта, очертания скал, живописные детали помогли понять мифотворчество древнего человека [2, С.4]. По мнению Виталия Епифановича обустройство культового комплекса выполнялось в соответствии с астрономическими направлениями [6, с. 73 – 91].

Туимский кромлех (обсерватория) находится на 90-м меридиане, т.е. посередине восточного полушария. Погребально-культовый памятник эпохи окуневской археологической культуры имеет оригинальную форму [4, с.3]. Кромлех представляет собой кольцо диаметром 82 м из вкопанных с интервалом 8-9 м гранитных камней высотой от 0,6 до 1.2 м. В середине кольца находится земляная пирамидальная насыпь высотой до 3 м. В её основании квадратная ограда 16x16 м из плит с вертикальными камнями высотой до 0.6 м по углам. Внутри ограды из камня выложены диагональные линии. В центре ограды, на пересечении диагональных линий, находилось погребение женщины в каменном ящике, возможно знатного происхождения. Диагональные линии четко определяют линии летнего и зимнего солнцестояния, выполнены из горных пород белого и черного цвета (вулканического туфа), расположены попеременно. Угловые камни ориентированы по сторонам света [3, с.3]. Предполагается, что создавался для выполнения астрономических наблюдений и получения новых знаний [4, с.3].

Поселения близ озера Иткуль

Археологические раскопки у озера Иткуль в Ширинском районе начались в 2007 г. На берегах р. Теплушки найдено больше 140 могильников. Археологи Института истории и материальной культуры Российской

академии наук, сотрудники Эрмитажа на протяжении 10 лет под руководством Андрея Полякова и Игоря Лазаретова занимались раскопками памятников афанасьевской и окуневской культур. Каждый новый сезон приносил массу находок — от сотен мелких бусинок до массивнейших черепов быков-туров. Необычной формы и обустройства курганы, песчаниковые плиты с петроглифами, черепки и целиком сохранившиеся горшки из керамики, бронзовые изделия и каменные орудия, костяные гарпуны для добычи рыбы и еще тысячи единиц «подъемного материала» [10].

Афанасьевская археологическая культура выделена археологом С. А. Теплоуховым в 1927 г. в отдельную культуру из-за массы необычных материалов. Афанасьевцы в Южную Сибирь мигрировали с юга Восточной Европы либо из передней части Средней Азии в середине III тыс. до н.э. Были они высокими, русоволосыми и голубоглазыми. Основное занятие — скотоводство, но достаточно развита была и металлургия меди, олова и сплавов. Находки иткульских курганов это прекрасно подтверждают. В одной из могил были найдены два сосуда из березового капа с медной оковкой и гвоздиками.

В конце III тыс. до н. э. в степях левого берега среднего Енисея появились новые поселенцы, окуневцы. Они были также европеоидами. Археологи считают окуневскую культуру одной из самых ярких и загадочных культур эпохи ранней бронзы во всей Северной Евразии [9].

В одной из могил в 2010 г. были обнаружен скелет младенца. Судя по сопроводительному инвентарю малыша, похоронили его с богатыми дарами. На нем была шапочка с металлическими бляшками, ожерелье на шее и горшок на голове, что говорит о его высоком статусе. Ожерелье состоит из нескольких изящных костяных фигурок. Они схожи с изображениями окуневских стел Хакасско-Минусинской котловины [10]. Удивительной находкой стала также скульптура головки женщины из стеатита (так называемый "мыльный" камень) с тщательно проработанными чертами лица

[10].

В 2017 г. в могиле был найден уникальный поминальный «стол»; черепки культовой глиняной курильницы – сосуд для сжигания трав, с изображениями так называемых "солнцеликих личин". Такие изображения, как правило, встречаются только на скалах. Ученые считают, что эта находка позволит датировать целый пласт древнего изобразительного искусства окуневской культуры. Одна из находок – стилизованное изображение быка выполнена в редкой манере – позволила выдвинуть гипотезу о том, что представители окуневской культуры могли быть выходцами с территории современного Казахстана [10].

Андрей Поляков и Игорь Лазаретов с коллегами нашли ряд доказательств того, что окуневский период с яркой и таинственной культурой, религиозными представлениями о трехмерном мире не был частным явлением на довольно узкой территории. Можно предположить, что окуневцы были таким же мощным, сильным и знающим, умелым и находчивым народом, как более поздние сибирские скифы – тагарцы. И обитали окуневцы на территории Западной Сибири и до современной Монголии, северного Китая IV-V тыс. лет назад [10].

Список литературы

Березовский А. Нас окружающий мир уникальный // Ширинский вестник. 24.01.2013.

Дмитриев В. 30 ширинских лет Виталия Ларичева // Ширинский вестник. 15.17.2005.

Жалковский В. За чередой камней Кромлеха // Ширинский вестник. 9.10.1999.

Иванченко В. Сенсация за сенсацией // Ширинский вестник. 05.06.2018.

Ларичев В. Е. Тагарский героический эпос в образах наскального искусства северной Хакасии // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 2003. С.200-234.

Ларичев В. Е., Гиенко Е. Г., Прокопьева С. А., Паршиков С. А., Серкин

Г. Ф. Сундуки – великий сакральный центр Северной Хакасии (мифологическое, эпосное и естественно-научное в культовых памятниках древних культур юга Сибири, совмещенных с творениями природы) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. Красноярск: «Город», 2009. С. 73 – 91.

Ларичев В. Е., Холюшкин Ю. П. Археология верхнепалеолитического поселения Малая Сыя // Археология, геология, палеография палеолитических памятников юга средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау, Восточный Саян). Красноярск: «Зодиак», 1992.

Лбова Л. В., Волков П. В., Долгорукова Н. А., Барков А. В., Ларичев В. Е. Предметы неутилитарного назначения верхнепалеолитического местонахождения Малая Сыя (технологический аспект) // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т.13, вып.5. Археология и этнография. С. 91-100.

Морозов С. В. Отчёт о проведении археологических раскопок на могильнике Итколь-I в Ширинском районе Республики Хакасия в 2009 году. Рукопись.

Поляков А. В., Лазаретов И. П. Отчёт о проведении в 2017 году раскопок курганов №1 и 12 могильника Итколь-II в Ширинском районе Республики Хакасия. Рукопись.

Схема территориального планирования Ширинского района. Красноярск: ООО Архитектурно-проектное бюро «Квартал», 2010.

Хромых В. «Нам есть чем гордиться» // Ширинский вестник. 05.06.1999.

М. В. КОРАБЛЕВА

АПРОБАЦИЯ ТЕМЫ: «ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ХАКАСИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.» В КУРСЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ХАКАСИИ

В статье анализируется урок истории в 9 классе, посвященный хозяйственному освоению Хакасии в XIX – начале XX вв. Основными учебными блоками стали: сельское хозяйство в Хакасии, дорожно-транспортная система, развитие торговли и промышленного предпринимательства. В ходе урока учащиеся вырабатывали навыки исследовательской работы.

Ключевые слова: сельскохозяйственное производство, акционерная компания, мануфактурные товары, Хакасия.

В сельском хозяйстве Хакасско-Минусинского края в XIX – начале XX вв. приоритетными отраслями являлись земледелие и скотоводство. На территории ХМК получили развитие три формы торговли: периодическая, непериодическая и постоянная. Шло развитие промышленного предпринимательства.

Урок по теме «Хозяйственное освоение Хакасии в XIX – начале XX вв.» был проведен на базе МБОУ «Калининская СОШ» Усть-Абаканского района в 9 классе. Целью урока было раскрыть сущности процесса хозяйственного освоения Хакасии. Учителем были сформированы следующие планируемые результаты:

1. Развивать умения осуществлять сравнительный анализ исторических фактов.
2. Вырабатывать навыки исследовательской работы.
3. Воспитывать у учащихся уважение друг к другу, прошлому.

Проведенный урок – урок изучения новых знаний. В соответствии с типом и целями урока была определена его структура, предусматривающая логическую последовательность и взаимосвязь этапов.

Для организации познавательной деятельности были использованы следующие формы работы: фронтальная (беседа, постановка проблемных вопросов, совместное формулирование принятых решений); групповая (работа с тестом параграфа, составление таблицы); индивидуальная

(составление схемы, самопроверка на этапе подведения итогов урока).

По ходу урока учащиеся должны были выяснить, на каком уровне развития находилось сельское хозяйство в Хакасии в XIX – начале XX вв., проанализировать особенности дорожно-транспортной системы, развитие торговли, а также развитие промышленного предпринимательства.

Методы и приемы обучения были адекватны задачам урока и уровню развития познавательных возможностей детей. Использовались словесные методы: беседа, самостоятельная работа учащихся с текстом параграфа (см. Приложение №1), практические методы: проблемный и частично-поисковый (см. Приложение №2).

В качестве средств обучения использовались: тест параграфа по истории Хакасии «Хозяйственное освоение Хакасии в XIX – начале XX века», рабочие листы, схема «Особенности развития сельского хозяйства в XIX – начале XX вв.», иллюстративный материал в объеме учебника.

Оценка конечного результата урока.

Урок представлял собой целостную систему. Цель и задачи, поставленные на уроке, достигнуты. В ходе урока учащиеся провели сравнительный анализ исторических фактов по истории России и истории Хакасии, вырабатывали навыки исследовательской работы, сделали выводы согласно полученным знаниям. Учащиеся работали достаточно активно. Наибольший интерес вызвал материал о личностях торговцев (Г. П. Чарков, Г. П. Сафьянов) и промышленных предпринимателях (В. А. Баландина, И. Г. Гусев и др.). Смена заданий поддерживала работоспособность учащихся на разных этапах урока. Учащиеся показали умение слушать друг друга, учителя и отвечать на его вопросы. Учащиеся делали правильные выводы в течение урока. Из отрицательных моментов нужно отметить недостаточно развитое умение анализировать, обобщать и делать выводы.

Предложения и методические рекомендации по совершенствованию урока.

Целесообразно использование наглядных методов обучения. При изучении данной темы необходимо использовать историческую карту по данному периоду.

Приложение 1.

Заполните пропуски в тексте, опираясь на п. 3 параграфа

Развитие промышленного предпринимательства

Самой распространенной отраслью в Сибири являлась _____

С принятием в _____ г. «Устава о золотопромышленности» право на добычу золота получили представители всех сословий. Владельцами приисков кроме купцов, дворян и чиновников стали _____ и _____.

Крупному сибирскому предпринимателю К. И. Иваницкому принадлежали наиболее золотоносные прииски _____ и _____.

К модернизации приисков также перешли крупные предприниматели _____.

В 1875 г. была предпринята первая попытка разработать _____ месторождения каменного угля.

Основными районами угледобычи стали _____, _____ и _____ месторождения. Одним из крупнейших угольных предприятий Сибири стало _____, основанное в 1907 г. сибирскими предпринимателями _____.

В начале XX в. в Хакасии на средства крупного российского и иностранного капитала получило развитие _____ производство. Акционерная компания _____ с 1904 г. стала вести разведывательные работы четырех рудничных площадей в Знаменской волости Минусинского уезда.

Гораздо слабее горной промышленности была развита _____ промышленность. Она зависела от уровня сельскохозяйственного производства и рыночного спроса. В Минусинском округе получили развитие _____, _____, _____, _____ и _____.

В _____ крае получило развитие _____ производство. В 1870-80-е гг. открылись 4 _____ завода: _____, _____, _____ и _____.

В Минусинском округе _____ промышленность была развита лучше, чем в других округа Енисейской губернии _____ промыслами занимались

русские крестьяне и хакасы. Они изготавливали _____, _____, _____, _____
и _____.

Приложение 2.

Заполните таблицу «Развитие торговли в Енисейской губернии в XIX – начало XX вв.» по тексту учебника

Формы внутренней торговли	Основные черты формы торговли	Виды товаров	ФИО торговцев-предпринимателей, их специализация	Особенности внешней торговли

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бурнаков Артас Алексеевич – старший научный сотрудник сектора истории ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Гольцер Татьяна Васильевна – учитель истории и обществознания МБОУ «Ширинская общеобразовательная школа №17»

Деряжная Алла Владимировна – учитель географии «МБОУ Ширинская общеобразовательная школа №17»

Данькина Надежда Анатольевна – кандидат исторических наук, ученый секретарь ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Кискидосова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, заведующий сектором истории ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Кораблева Мария Васильевна – учитель истории и обществознания МБОУ «Калининская СОШ»

Печерский Владимир Арнольдович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Самрина Елена Васильевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник сектора истории ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Степанов Михаил Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова

Чертыков Валерий Карпович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Содержание

Кискидосова Т. А. Новые подходы в изучении истории Хакасии XIX – начала XX в.

Данькина Н. А. Дискуссионные вопросы древней и средневековой истории Хакасии в контексте школьного образования.

Чертыков В. К. О самоназвании хакасов (к вопросу о термине «хоорай»).

Печерский В. А. Уголовная ссылка в Сибирь в XIX веке.

Степанов М. Г. Трудные вопросы истории Хакасии советского периода.

Самрина Е. В. Традиционный хозяйственный комплекс коренного населения Хакасии через призму «географии».

Бурнаков А. А. К вопросу о традиционной религии хакасов (XIX – начало XX вв.).

Гольцер Т. В., Деряжная А. В. Древние поселения на территории Ширинского района республики Хакасия как показатель интеграции производящей деятельности человека и географического пространства.

Кораблева М. В. Апробация темы «Хозяйственное освоение Хакасии в XIX – начале XX вв.» в курсе изучения истории Хакасии.